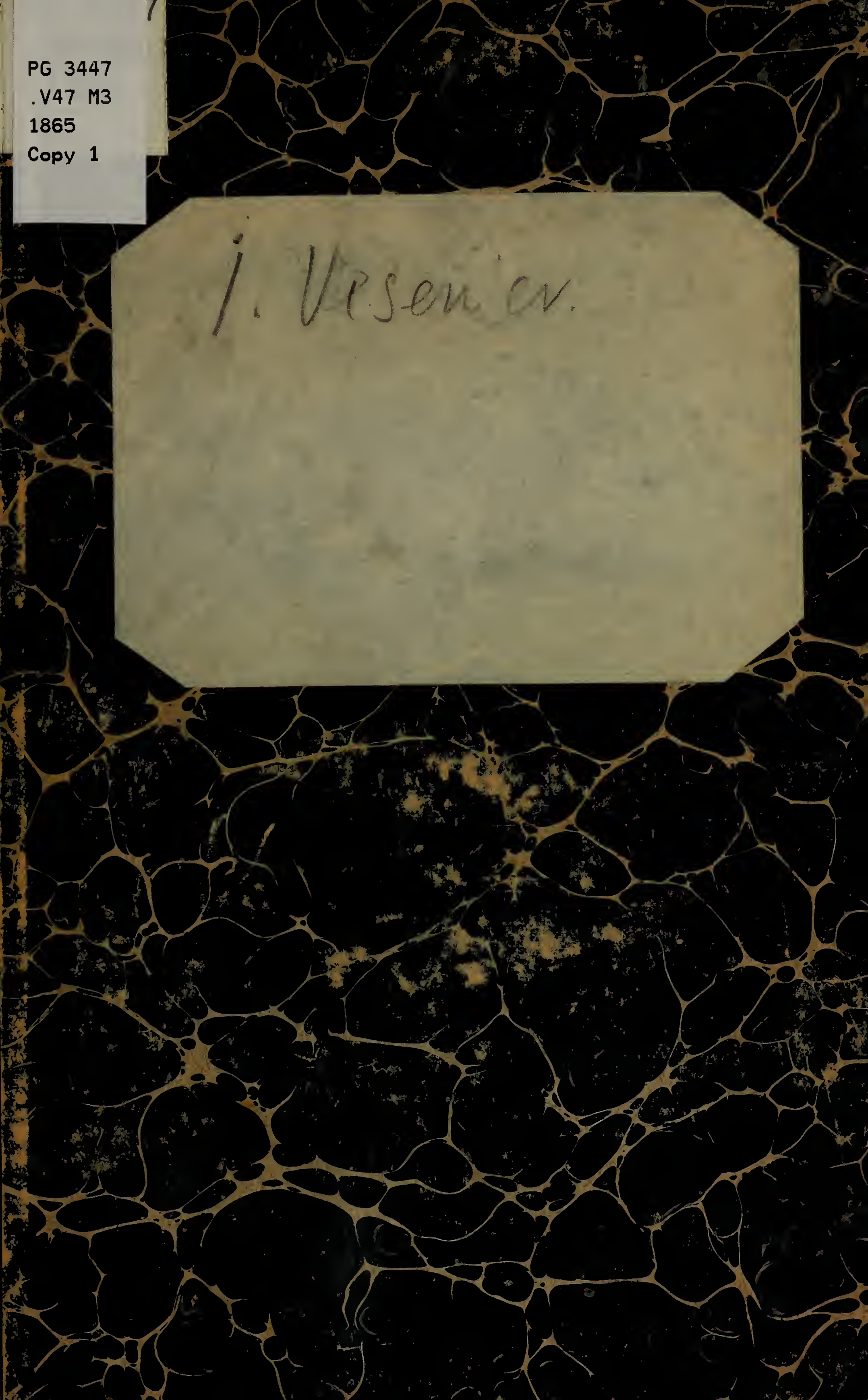

I. Vesenier.

A.D. 1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА Г.В.ЮДИНА

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

Vesen'ev, Ivan

Malen'kīia bedy

МАЛЕНЬКІЯ БѢДЫ.

ОЧЕРКЪ НАСТОЯЩАГО.

Нынѣшней осенью, городъ нашъ сталъ немного оживляться. Въ послѣднее время, не взлюбленный родными своими птенцами, онъ былъ покинутъ, но теперь опять, какой-то особенно счастливой случайностью, сталъ онъ собирать птенцовъ своихъ. Понаѣхали изъ деревень, изъ за дальняго моря. Возвратилась даже самая fine-fleur наша: пріѣхали Василій Павловичъ и Евгенія Ивановна Дворцо́вы. Эти явились изъ за-границы, гдѣ они прокутились до послѣдней копѣйки.

Они изъѣздили Европу уже много разъ, и знали ее вдоль и поперегъ. Нынѣшній разъ, они пробыли тамъ довольно долго. Безъ нихъ, до родимаго города успѣла отстроиться желѣзная дорога. Василій Павловичъ и Евгенія Ивановна изъ Hôtel du Louvre, гдѣ они помѣщались, уже телеграфировали своему управляющему Терентію Гавриловичу, что они ѣдутъ, чтобы въ домѣ все было исправно, и, чтобы, главное — господамъ были готовы деньги. Господа и возвратились теперь, благосклонно отозвавшись, выходя изъ вагона, что, слава-богу наконецъ-то можно добраться до проклятаго N., не переломавъ себѣ бока.

Поѣздъ пришелъ ночью. У дебаркадера ждала Дворцовыхъ ихъ собственная карета. По полусоннымъ улицамъ, карета довезла ихъ до дому. Но въ домѣ ничего́ не было исправно, и Терентій Гавриловичъ не припасъ ни копѣйки.

Изъ чего же было и хлопотать Терентію Гавриловичу? Во-

первыхъ, у него были свои собственныя дѣла, нѣчто въ родѣ сюрприза, которымъ онъ готовился попотчивать господъ, когда они на завтра отдохнутъ съ дорожки, во вторыхъ, гдѣ же нынче взять денегъ? А въ третьихъ, разсудилъ Терентій Гавриловичъ: господа проживутъ и такъ.

Терентій Гавриловичъ разсуждалъ очень здраво: всѣ мы, нынче, N—скіе обыватели, такъ проживаемъ.

Онъ былъ обруганъ, но започивалъ себѣ спокойно. Василій Павловичъ и Евгенія Ивановна легли тоже; но въ головахъ у нихъ вертѣлись подушки.

Такого тревожнаго состоянія своего изголовья не стыдились ни Василій Павловичъ, ни Евгенія Ивановна. Они были дома, на родинѣ, гдѣ стыдится нечего. Они знали, что родственной имъ fine fleur извѣстна тревога ихъ почиванья, но знали также, что сама эта родственная fine fleur не спокойнѣе ихъ почиваетъ, и отъ той же самой бѣды. Значитъ все было ладно. До остальныхъ, маленькихъ смертныхъ города, имъ не было дѣла. Впрочемъ, если утѣшительно убѣдиться, что какой нибудь повальной болѣзнью страдаемъ не мы одни, а поражены ею уже рѣшительно всѣ—то Василій Павловичъ и Евгенія Ивановна могли бы еще болѣе утѣшиться: и у маленькихъ обывателей города N. точно также вертѣлись подушки.

Сказать правду, въ послѣднее время мы постоянно дурно спимъ. Сладкій сонъ оставилъ насъ. Этотъ признакъ довольства собой, довольства окружающимъ, увѣренности въ завтрашнемъ днѣ, признакъ покоя душевнаго и карманнаго, ушелъ. Куда онъ ушелъ? Добраго, безобиднаго провинціальнаго сна уже больше нѣтъ. Мы очень плохо спимъ. Мы спимъ во сто разъ хуже всякихъ столичныхъ тружениковъ, которые позволяютъ себѣ громить нашъ неповинный сонъ. Пусть они на насъ посмотрятъ.

Какъ то жалко и мрачно отходитъ ко сну бѣдный городъ нашъ. Гаснутъ дрянные фонари, которые и безъ того не свѣтили; замолкаетъ послѣднее дребезжанье дрожекъ; горожанинъ творитъ свою напутственную молитву на сонъ грядущій. Иной сталъ даже забывать и творить ее. Что-то дурно прошелъ день. Они давно идутъ такіе дурные, и все, кажется, хуже. Или мы сами поглупѣли, а прежде были умнѣе, или прежде были глупы, и не замѣчали—Господь знаетъ. Какъ-то все не клеится, ни свое дѣло, ни чужое, ни общее, ничто не спорится. Либо голова и руки отвыкли или не научились работать; либо заботы и

работы всякой стало не въ подъемъ,—либо совсѣмъ не то надо дѣлать, что дѣлаемъ—не разберешь. Недавно еще, вѣрилось въ умъ сосѣда; теперь, никто не пойдетъ къ нему на совѣтъ. Какъ, и что, и почему? Сосѣдъ несостоятеленъ; ему не вѣришь ни въ словѣ, ни въ копѣйкѣ,—да и онъ тоже вамъ не вѣритъ. Еще недавно, какой нибудь годъ, другой, были мы получше, были мы, кажется, бодрѣе. Какой это зловредный вѣтеръ потянулъ?... Бѣдность, всякая бѣдность такъ и выглядываетъ отовсюду, изъ каждаго слова, изъ каждой домовой щели. Всего умалилось, твердятъ уже не однѣ старухи: видно передъ концомъ. И много, много одинъ или два какихъ нибудь дерзновенныхъ голоса закричатъ, что это предъ добрымъ началомъ. Но ктожъ имъ повѣритъ?... Грустно укладывается спать нынѣшній N-скій обыватель. И Богъ-знаетъ, какія дикія фантазіи съ отчаянія лѣзутъ ему въ голову.

Онѣ, прежде, никогда не приходили. Отходя на сонъ грядущій, умственно перебирали мы свой протекшій день и день сосѣда. Фантазія перелетала изъ одного знакомаго дома въ другой, и, перебравъ всяческія дѣлишки, засыпая, говорили мы: уменъ русскій человѣкъ, нѣтъ его на свѣтѣ умнѣе! И въ такія блаженныя минуты въ голову не приходило намъ вспомнить, что тутъ же, бокъ о бокъ съ нами, въ одномъ и томъ же городѣ, живутъ и другіе люди, и давно живутъ, только не русскіе люди, и живутъ на другой ладъ, люди, которыхъ мы сто лѣтъ знаемъ въ лицо, и которые говорятъ, что не всѣхъ на свѣтѣ умнѣе человѣкъ русскій. Мы ихъ не слушали, и никто имъ не завидовалъ, никто ихъ никогда не поминалъ на сонъ грядущій. Теперь, совсѣмъ иное дѣло. Фантазія сбилась съ толку; она залетаетъ только подъ такія кровли, которыми прежде брезгала; она хочетъ только того, чего прежде никогда не хотѣла. Что это, лежитъ и думаетъ нынѣшній обыватель:—какой счастливый человѣкъ этотъ нѣмецъ Карлъ Карловичъ! И отчего же, Боже мой, я не такой умный человѣкъ, какъ этотъ нѣмецъ Карлъ Карловичъ!

Ужасное слово, наконецъ, выговорено. И предъ глазами безсоннаго обывателя начинаютъ проходить всѣ Карла Карловичи его родимаго города. Зрѣлище для него будто новое: точно онъ открылъ Америку. Онъ начинаетъ сравнивать—и его пробираетъ тоска. Онъ огорченъ, пристыженъ, вотъ онъ, наконецъ, и позавидовалъ. Вопросы: отчего и почему, такъ и бѣгутъ одинъ

за другимъ, такъ и нанизываются. Отчего у меня новый домъ на боку, а у нѣмца Карла Карловича онъ до-француза строенъ, а стоитъ прямо? Отчего у меня на крыльцѣ точно свиньи ночевали, а у него крылечко и въ октябрѣ подчищено и прилизано? Отчего Карлъ Карловичъ ѣсть, и я ѣмъ, а онъ не проѣдается? Отчего у меня и въ кухнѣ содомъ, и отъ дѣтей содомъ, а у Карла Карловича все по мѣстамъ сидитъ и безъ гвалту? Отчего же, Господи, Карлъ Карловичъ каждый день въ клубъ ходитъ и я хожу, и всегда есть у него деньги на проигрышъ, а я уже на черную доску записанъ? И отчего же, наконецъ, о Боже мой, онъ теперь изволитъ почивать, а вотъ я сижу и бодрствую?

Тяжело становится бѣдному человѣку. — Ну, заключаетъ онъ: — баста; я дуракъ, и всѣ мы дураки. Съ завтрашняго же дня честное слово, и умереть мнѣ на этомъ мѣстѣ, если я не стану совсѣмъ нѣмцемъ Карломъ Карловичемъ!...

Благія намѣренія приносятъ и благіе результаты. Точно съ такой присягой започивали наконецъ и Василій Павловичъ съ Евгеніей Ивановной, и, даже, проснувшись, не забыли присяги.

Кромѣ того, что они ее не проспали, имъ и другіе не дали ее забыть. Утромъ, Дворцовыхъ страшно разобидѣли. Явился Терентій Гавриловичъ, и не дослушавъ возобновленнаго приказанія — сейчасъ достать денегъ, потребовалъ своего расчета.

— Слышать тебя не могу! вскричалъ Василій Павловичъ, захлопывая двери кабинета.

Положеніе господъ, въ самомъ дѣлѣ, было неблаговидно. Они обходили свой домъ. Домъ былъ барскій; съ флигелями и службами занималъ въ городѣ цѣлый кварталъ. Хотя онъ былъ заложенъ, но уѣзжая за границу, Дворцовы не отдавали его въ наймы. — «Чтобъ въ моемъ домѣ, всякая сволочь...» говорилъ Василій Павловичъ. Много-много допускалъ онъ, чтобъ тамъ останавливались проѣздомъ какія нибудь высокопревосходительныя особы. Такихъ перебывало довольно, потому что городъ N., кромѣ того, что лежитъ на большомъ трактѣ, но еще считается характера буйнаго, требующаго частыхъ ревизій. Такими мимолетными посѣтителями «ихъ хаты» Дворцовы были довольны. У Дворцовыхъ, среди кипсековъ, былъ даже припасенъ особенный альбомъ для храненія «взятокъ» съ посѣтителей — ихъ фотографическихъ карточекъ. Карточки и faximile любезно вкладывались сановитой рукой, сейчасъ только разметавшей

грозные перуны на всѣхъ и все въ потрясенномъ губернскомъ мірѣ.

— «Прелестные, добрѣйшіе люди, говорила Евгенія Ивановна, поясняя кто именно изображенъ какой нибудь маленькой гостьѣ-чиновницѣ: — не правда ли, съ ними on est comme en famille? я рада, что имъ было здѣсь не совсѣмъ дурно, добавляла она, обводя глазами комнаты.

Домъ былъ, въ самомъ дѣлѣ, отдѣланъ не дурно. И теперь, обходя его въ печаляхъ, Евгенія Ивановна и Василій Павловичъ нашли, что ихъ бархатная мебель и золоченыя рамы зеркалъ еще не совсѣмъ неприличны. Домъ смотрѣлъ полной чашей. То есть, всѣ комнаты были снабжены мягкими диванами и креслами, консолями для канделябръ и фарфоровыхъ куколъ; въ библіотекѣ и буфетѣ стояли прелестные пустые книжные и буфетные шкафы; красовались даже двѣ великолѣпныя пустыя клѣтки для попугаевъ. Все, кажется, было на лицо и въ порядкѣ. Полная чаша готовилась еще наполниться. Съ Евгеніей Ивановной прибыли изъ за-границы три ящика съ нарядами, три были еще почему-то задержаны на таможнѣ, а трижды-три разныхъ мелкихъ и крупныхъ colis долженствовали быть вскорѣ доставлены изъ Берлина какими-то особенными попеченіями какого-то обязательнаго берлинца. Василій Павловичъ привезъ съ собою много оружія. Онъ учился въ лицеѣ, до отставки прослужилъ лѣтъ пять въ московскомъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ, и потому не могъ обойтись безъ револьверовъ и ружей послѣдняго усовершенствованія. Хозяева разсматривали стѣну, гдѣ предполагалось его развѣсить.

— Однако, Basile, что же мы будемъ дѣлать? спросила Евгенія Ивановна.

— Что нибудь сдѣлаемъ, chère amie, возразилъ мужъ, закуривая покуда сигару. — On a toujours un crédit, договорилъ онъ, и отправился освѣдомиться, занимается-ли Васенька, ихъ единственный десятилѣтній сынъ, гимнастикой съ своимъ гувернеромъ. Евгенія Ивановна занялась своимъ туалетомъ.

Но мысли Василія Павловича и Евгеніи Ивановны были далеки отъ ихъ дѣла. Онѣ все кружились около Терентія Гавриловича. Въ концѣ концовъ, супруги приходили къ заключенію, что онъ мошенникъ великій. Это было своего рода открытіе Америки. Терентій Гавриловичъ управлялъ имѣніями Дворцовыхъ современи папеньки Василія Павловича, лѣтъ двадцать

пять, и съ тѣхъ поръ развивался и улучшался безпрепятственно. Молодой баринъ и барыня дали ему на то полныя средства. Давно, въ своихъ селахъ, они были господами только по имени. Давно, и дворцовскіе мужики, и мѣстная земская полиція, и чиновники губернскихъ присутственныхъ мѣстъ, и сосѣдніе владѣльцы знали, кого надо ублажить, чтобы обдѣлать выгоднѣе свои дѣлишки и по рекрутству, и по слѣдственому дѣлу, и по межеванію, по всякому житейскому промыслу, болѣе или менѣе прикосновенному къ интересамъ гг. Дворцовыхъ.

— «Удивительно, какъ убавляются наши доходы», говорили Василій Павловичъ и Евгенія Ивановна, занимая безпрестанно у Терентія Гавриловича его собственныя деньги. Прежде, онъ былъ простымъ Терешкой, потомъ сталъ вольнымъ и женатымъ Терентіемъ Гавриловичемъ, потомъ, получилъ отъ Василія Павловича изобрѣтенную имъ фамилію Вѣрнаго, потому что Василій Павловичъ считалъ неприличнымъ, что его управляющій не имѣетъ фамиліи. — «Не благодарный мошенникъ, повторяла теперь Евгенія Ивановна, припоминая все прошлое и кончая свой туалетъ.

— Знаешь-ли, Basile, что онъ во сто разъ богаче насъ, сказала она мужу, когда они опять сошлись вмѣстѣ.

— Позвать его сюда! закричалъ грозно Василій Павловичъ своему каммердинеру, нѣмцу, только что дебаркированному изъ Дрездена на N-скую дворянскую улицу.

Терентія Гавриловича не нашли. Прислуги въ домѣ было мало. Управляющій припасъ только кучера, который довезъ господъ отъ желѣзной дороги во свояси. Весь составъ дома былъ распущенъ при отъѣздѣ господъ въ чужіе края: метрд'отель, главный буфетчикъ, откупоривавшій только бутылки за обѣдомъ, большіе и малые повара и поваренки, linger'ки и камеристки, изъ которыхъ только одну увозила съ собой Евгенія Ивановна. Весь этотъ штатъ обязанъ былъ пріискать и нанять Терентій Гавриловичъ, извѣщенный телеграммой. Ничего не было сдѣлано. За завтракомъ и обѣдомъ обязательно отправился въ гостинницу самъ M-r Grand, гувернеръ Васеньки. Василій Павловичъ высыпалъ ему свой портмоне, въ которомъ еще не достало на одну порцію.

— Скажите тамъ, что это для насъ, что мы пріѣхали, сказалъ Василій Павловичъ. — Этакая гадость, однако!

Неизвѣстно, къ чему мысленно онъ обращался. Мужъ и

жена сидѣли уныло. Онъ курилъ сигару за сигарой. Вдали, въ залѣ, юный Васенька выкидывалъ уже собственныя гимнастики. Въ домѣ было тихо. Говорить не хотѣлось. Вопреки приличіямъ, супруги даже стали поглядывать на улицу.

На глаза Дворцовыхъ, тамъ было все тоже, что года полтора назадъ. Родимый видъ почти не измѣнился. На крыльцѣ губернаторскаго дома проторчали часа два мужики, проторчалъ какой-то господинъ въ шляпѣ, и, наконецъ, скатились оттуда, невидимо кѣмъ гонимые; подъѣхали дрожки съ парою чиновниковъ и карета съ нарядной дамой; сосѣдній домъ графини Бѣлокашкиной будто пріосѣлъ къ троттуару въ своей серединѣ, и на половину залѣпился вывѣской безпроигрышной лоттереи, возлѣ которой небыло ни души, а на другую, вывѣской военной швальни. Далѣе, заборъ, какъ былъ, такъ и стоялъ не перекрашенный. Все, пожалуй, почти какъ прежде. Только рядомъ съ губернаторскимъ домомъ было новое. Строился большой каменный домъ, гораздо больше дома Дворцовыхъ, неуклюжій, съ подслѣповатыми окнами и уродливыми фестончиками по карнизу,—крупное безобразіе губернскаго архитектурнаго искусства. Внизу дома предполагались лавки, и подъ лѣсами, въ отстроенномъ углу нижняго этажа, уже мелькали зеленыя буквы виннаго акцизнаго депо. Кругомъ постройки было довольно движенія. Василій Павловичъ и Евгенія Ивановна глядѣли туда. Къ постройкѣ подкатили бѣговыя дрожки, запряженныя отличнымъ рысакомъ. Правившій господинъ потолковалъ что-то съ рабочими и потомъ повернулъ къ д. Дворцовыхъ, въ ихъ ворота.

— Какая отличная лошадка! точно нашъ бывшій Кроликъ, сказала Евгенія Ивановна, не узнавая ни потомка своего Кролика, ни правившаго имъ Терентія Гавриловича.

Управляющій, наконецъ, явился.

Онъ былъ безъ денегъ, и опять потребовалъ своего расчета.

Василій Павловичъ устремилъ на него глаза. Ему казалось, что противъ такаго взгляда не устоитъ никакое упрямство. Терентій Гавриловичъ, между тѣмъ, стоялъ. Онъ былъ въ хорошемъ сюртукѣ статскаго покроя, отъ лучшаго портнаго города, въ пестромъ, поношенномъ жилетѣ, при толстой золотой цѣпочкѣ; старикъ благовидный, уже купецъ какой то гильдіи, съ физіономіею, что называется, почтенной, такой почтенной, что какой то юный художникъ, странствовавшій для изученія русскихъ типовъ, испросилъ позволеніе списать съ него портретъ,

найдя въ чертахъ Терентія Гавриловича идеалъ русской народной доброты и не посредственности.

Василій Павловичъ, глядя, вспоминалъ и эту гильдію и этотъ портретъ, который онъ, проѣзжая теперь чрезъ Петербургъ, видѣлъ на постоянной выставкѣ. Онъ смотрѣлъ и думалъ: что же ему съ нимъ сдѣлать? Терентій Гавриловичъ, между тѣмъ, спокойный, бережно сдунулъ пылинку, которую замѣтилъ на рукавѣ барина.

— Я о чемъ тебя просилъ? тихо сказалъ Василій Павловичь, и, наконецъ, закипѣлъ яростью.

— Какъ вамъ угодно-съ, отвѣчалъ тотъ невозмутимо. — Ничего нѣтъ.

— Да, что здѣсь, сумасшедшіе, что-ли, всѣ, закричалъ Василій Павловичъ. — Обезумѣли они, что у нихъ нѣтъ гроша? Развѣ мнѣ не вѣрятъ? развѣ мнѣ, Дворцову, не вѣрятъ?

— Отчего же не вѣрить? возразилъ, улыбаясь, Терентій Гавриловичъ.

— Такъ почему же ты не занялъ? Почему?

Онъ приступалъ къ нему очень близко.

— Это — чтобъ я самъ безпокоился? Это похоже на честнаго человѣка?

— Вѣрятъ, только подъ вѣрный залогъ. Сами вы знаете; народъ нынче сталъ скверный.

— Такъ кто же тебѣ мѣшалъ закладывать? вскричалъ Василій Павловичъ, съ горестью.—Развѣ нечего у меня заложить? Вотъ, домъ... (Онъ вдругъ замялся)—ну, не домъ, ну, въ Баклашовкѣ тысяча десятинъ... (Василій Павловичъ опять замялся). — Черти поганые! Продать, наконецъ, можно. Съ конскаго завода... И Василій Павловичъ вдругъ совсѣмъ замолкъ. Предъ нимъ представилась какая-то пустота.

— Прескверные всѣ стали, повторилъ Терентій Гавриловичъ.

Василій Павловичъ шагалъ по комнатѣ.

— Что ты мнѣ заладилъ философствовать! вскричалъ онъ очень громко. — Слушай: вѣдь я не шучу.

— Mon cher, dites-lui plutôt une bonne parole, отозвалась изъ угла Евгенія Ивановна.

— Ну, ты ее и говори, закричалъ на нее Василій Павловичъ.—Чай-сахаръ одинъ въ головѣ; кромѣ будничныхъ пустяковъ ни о чемъ не думаете. Найдутся, матушка. Да вѣдь есть

же, наконецъ, у тебя самаго деньги? обратился онъ потише къ управляющему.

— Ни копѣйки, Василій Павловичъ. Вы сами знаете, продолжалъ онъ пояснять: — я собственнаго жалованья за годъ изъ конторы не осмѣлился взять. Что собралъ, вамъ въ Біарицу выслано было. Еще не посмѣлъ васъ безпокоить: половины писемъ отъ кредиторовъ вамъ не переслалъ. Въ Палату на васъ подано ко взысканію. Васильевскимъ-выселкамъ подходитъ срокъ. Каретнику Францу Ивановичу покуда проценты изъ своихъ заплатилъ. Осадили-съ. Тоска безъ васъ была, грусть совсѣмъ. И покорнѣйшая вамъ просьба моя, Василій Павловичъ: разочтите меня. Я самъ въ стѣснѣніи.

— Вопросъ: чѣмъ же я теперь тебя разочту? спросилъ Василій Павловичъ.

— Я вамъ подожду-съ, пожалуй, успокоилъ его Терентій Гавриловичъ. — Только увольте.

Василій Павловичъ былъ внѣ-себя.

— Подожду-съ, успокоивалъ тотъ. — Только, чтобъ ужъ съ нынѣшняго дня.

— Почему же вы насъ оставляете? отозвалась Евгенія Ивановна.

— Усталъ очень, Евгенія Ивановна, отвѣчалъ Терентій Гавриловичъ съ грустью. — Семейство подрасло, а я старъ; и о нихъ и о себѣ пора подумать — не все же жить для чужихъ. Къ тому же, и дѣло есть. Въ долги вошелъ, да вонъ, надо присмотрѣть — домъ застроилъ.

Онъ показалъ головой на улицу.

— Неужели? вскричала Евгенія Ивановна, обернувшись.

— Вотъ какъ, произнесъ Василій Павловичъ. — Нецеремонный ты, однако....

— Mais dites donc une bonne parole! перебила его во время и нетерпѣливо жена, и отошла, будто ища чего то на пустой мраморной тумбѣ.

Въ комнатѣ стало тихо. Василій Павловичъ, багровый, такъ и шагалъ.

— Что жь? такъ у меня и не будетъ денегъ? спросилъ онъ.

— Не имѣю-съ, возразилъ Терентій Гавриловичъ, — Да впрочемъ, что жь вы такъ изволите безпокоится, началъ онъ черезъ четверть часа, давъ Василію Павловичу находиться вдоволь. — Дѣло поправимое.

— Ты лучше убирайся.

— Можно-съ, продолжалъ, не слушая его и невозмутимо Терентій Гавриловичъ. — Продайте ваше выкупное свидѣтельство на Баклашовку.

— Что, какое? сказалъ Василій Павловичъ, у котораго начала кружиться голова. Евгенія Ивановна смотрѣла внимательно. Какое выкупное свидѣтельство? Что ты меня морочишь? Развѣ я дуракъ, не помню, сколько на мнѣ частныхъ претензій?

— Конечно, вы изволите помнить, перебилъ его, улыбаясь, Терентій Гавриловичъ: — но съ кредиторами можно обдѣлать.

— Не ты ли обдѣлаешь? спросилъ насмѣшливо Василій Павловичъ.

— Я для васъ, кажется, всегда готовъ былъ служить, Василій Павловичъ. Съ нѣкоторыми могу и поладить, если прикажете.

— Je vous disais, замѣтила Евгенія Ивановна.

Нѣсколько минутъ разговоръ не возобновлялся. У супруговъ какъ будто скатилась гора съ плечь. У обоихъ, наконецъ, мелькнула и улыбка. Въ этой улыбкѣ было самодовольство. Оба они въ разъ смекнули, что трое изъ ихъ кредиторовъ слились или обратились какими нибудь особенными путями въ одного Терентія Гавриловича, и что онъ будетъ ладить самъ съ собой. Дворцовымъ было пріятно, что они догадливы.

— Только, конечно, Василій Павловичъ, свидѣтельство пойдетъ за полцѣны. Сами вы знаете, какое нынче время, и какой народъ скверный.

— Знаю, знаю, перебилъ его, Василій Павловичъ, улыбаясь еще мысленной находкѣ, что Терентій Гавриловичъ не пропуститъ своихъ выгодъ. — Только пожалуйста, нельзя ли скорѣе. Мнѣ до зарѣзу.

— Готовъ всячески услужить вамъ.

— Bien merci, сказала Евгенія Ивановна, еще съ пріѣзда не ладя съ русскимъ языкомъ. Она очень повеселѣла. — Да присядьте же, Терентій Гавриловичъ; что вы все стоите.

— Ничего, постоимъ-съ, сказалъ тотъ, и только позволилъ себѣ понюхать табаку. — Я объ васъ какъ соскучился, признаться сказать.

— А тягу отъ насъ даешь? спросилъ Василій Павловичъ и поглядѣлъ въ окошко.

— Нельзя-съ, право, нельзя. А что точно я о васъ думалъ,

сами изволите увидѣть. Я вотъ что думалъ: я бы вамъ посовѣтывалъ, Василій Павловичъ. Что-бы вамъ баклашевскую землю на аренду?

Василій Павловичъ слушалъ, но глядѣлъ въ окно.

— Право, дѣло было бы хорошее. Какъ скажете, Василій Павловичъ?

Василій Павловичъ молчалъ.

— И я возьму-съ. Охотно. Мнѣ не въ первой для васъ трудиться.

— Посмотримъ, пробормоталъ Василій Павловичъ, и опять отошелъ къ окну. Онъ сталъ какъ то задумчивъ.

— Потолкуемъ, посмотримъ, повторилъ онъ, между тѣмъ какъ мысленно уже все сдалъ на аренду Терентію Гавриловичу.

— Ce sera un homme d'or, замѣтила Евгенія Ивановна, не глядя на мужа, и желая чтобъ это было тайной для Терентія Гавриловича. Василій Павловичъ не возражалъ.

— Завтра переговоримъ, сказалъ онъ, потирая лобъ.

— Потому что — гдѣ вамъ возиться съ нынѣшними мерзавцами, началъ Терентій Гавриловичъ, взявъ уже фуражку, потому что дѣло было рѣшено. — Нынче народъ — что! Сами изволите знать — не въ одной Россіи, — во всей Европѣ. Духъ времени такой. Равенство все.

— Tenez, comme il parle du tems! сказала Евгенія Ивановна, вытаращивъ глаза и съ любопытной улыбкой.

— Ce drôle! проворчалъ Василій Павловичъ.

— Mais laisse-le parler, Basile....

Евгенія Ивановна подмигнула мужу.

— Равенство, повторилъ невозмутимо Терентій Гавриловичъ. — Желаютъ жить на основаніи естественнаго права и экономическихъ принциповъ. И экономію-то эту нельзя имъ нынче положить въ голову, да поддать горяченькихъ. Такъ гдѣ же вамъ, Василій Гавриловичъ. А я для васъ готовъ. Вы подумайте. Хоть старъ, правда, становлюсь. Хотѣлось бы и свои дѣлишки наблюсть, и въ семействѣ поуспокоиться. Но для васъ готовъ.

— А что ваше семейство? спросила любезно Евгенія Ивановна.

— Аксинья Лукинишна сама бы пришла засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе, но больна-съ. У нея тикъ и нервное разстройство.

— Нервы?... повторила изумленная Евгенія Ивановна.

— Да-съ. Страдаетъ. Ужь я годоваго доктора взялъ. Остальныя — дѣти — ростутъ. Ѳедоръ на третій курсъ въ университетѣ перешелъ; Андрей здѣсь въ гимназіи кончаетъ, а Ольгуша дома. Нынче по веснѣ гувернантку ей взялъ. Нельзя-съ. Время такое: развитія требуютъ. А Василій Васильевичъ? здоровъ?

— Васинька? здоровъ, отвѣчала Евгенія Ивановна, что-то уже сама задумчиво. — На верху, съ гувернеромъ.

— Такъ-съ. Я думаю, многимъ въ Европѣ воспользовался. Складный, я полагаю, свѣтлый барченокъ. Такъ мое почтеніе. Завтра зайду, Василій Павловичъ.

Дворцовы кивнули ему.

— Приходи, сказалъ Василій Павловичъ.

Терентій Гавриловичъ пошелъ къ двери, но пріостановился и оглянулъ комнату.

— А у васъ, съ пріѣзда, и газетъ еще нѣтъ, Василій Павловичъ, сказалъ онъ. — Полагаю, привыкли. Позвольте прислать. Сейчасъ съ московской почты.

— Пошлю въ клубъ, проговорилъ Василій Павловичъ, отходя къ окну.

— Нераспечатанныя.

— Такъ пришли, сказалъ тотъ нетерпѣливо.

Терентій Гавриловичъ еще откланялся.

— Однако, воротилъ его Василій Павловичъ: — если мы сегодня разстаемся, то прошу сейчасъ же вонъ изъ моего флигеля.

— Такъ пожалуйте мое годовое жалованье, сказалъ Терентій Гавриловичъ.

— Basile, проговорила Евгенія Ивановна.

— Нѣтъ мнѣ дѣла до твоего жалованья! закричалъ запальчиво тотъ.

— Какъ вамъ будетъ угодно, сказалъ Терентій Гавриловичъ, опять откланиваясь. — Вечеромъ приду-съ. Полагаю, вы не захотите меня притѣснять, Василій Павловичъ. Мое всенижайшее почтеніе.

Онъ вышелъ.

Нѣсколько минутъ, супруги пробыли въ глубокомъ молчаньи. Василій Павловичъ все поглядывалъ въ окно. Мимо пробѣжалъ рысакъ съ бѣговыми дрожками.

— Mais, mon cher, ахнула вдругъ спохватясь, Евгенія Ивановна: — nous sommes donc toujours sans sucre pour demain!

Василій Павловичъ отвелъ глаза отъ окна.

— Все sucre, да sucre! закричалъ онъ на нее во все горло, такъ что она даже дрогнула.

И въ комнатѣ воцарилась тишина полная.

На дворѣ, между тѣмъ, вечерѣло. У губернаторскаго подъѣзда зажглись два фонаря. На желѣзной крышѣ строившагося дома еще раздавались послѣдніе удары молотковъ рабочихъ. Дворцовы молчали. Часы въ ихъ залѣ стали бить, и удары молотковъ какъ то особенно согласно соединились съ этимъ боемъ.

— Знаешь ли что́, Женни? сказалъ вдругъ Василій Павловичъ.

— Что?

Онъ показалъ въ окно на домъ, потомъ на свои стѣны.

— Ceci tuera cela.

....И многіе N-скіе жители встрѣтили и проводили день въ подобныхъ недугахъ. Многіе заключили его, приведя себѣ на мысль, если не такія поэтическія, то все же другія, не менѣе печальныя изрѣченія.

Но если есть печальныя, то существуютъ и веселенькія.

L'argent est fait pour rouler, гласитъ поговорка. И не хочетъ, а катится. И въ наши скорбные дни, въ городѣ N. деньга, съ горя, иногда все таки перекатывается изъ одного кармана въ другой. Возможно ли разсказать, какія она совершаетъ странствія, или вѣрнѣе, неожиданные скачки! Ей одной только свойственно, собираясь, напримѣръ, хоть бы на похороны, мгновенно попадать на пляску. Перелетность по истинѣ поучительная.

На слѣдующее утро послѣ описаннаго, случилось съ одной деньгой нѣчто въ родѣ этаго. Евгенія Ивановна, умственно перебравъ всѣ портмонне своей знакомой fine-fleur, и портмонне всѣхъ gens d'une autre espèce, какъ она называла остальной N-скій міръ, — пришла въ концѣ концовъ къ безнадежности. — У кого нѣтъ, а кто не дастъ, произнесла она, наконецъ, и кликнула свою камеристку, Фанни.

— Достань гдѣ знаешь, сказала она.

Фанни, имѣвшая въ городѣ тьму знакомокъ и знакомыхъ, кумовьевъ и кумовей, была рада до смерти вырваться изъ дому,

побѣгать по безподобной Пѣвческой-слободкѣ послѣ скверныхъ Вирцбурга и Эмса. Она ихъ кляла. Въ слободкѣ ей были рады. Особенно было весело у одной работницы — солдатки. На радостяхъ, явился и кредитъ. Скоро дѣло господъ было извѣстно всѣмъ и каждому. По крайней мѣрѣ, Фанни явилась не съ пустыми руками.

— Только-то! воскликнула Евгенія Ивановна въ сердцахъ и ужасѣ, принимая трехрублевую.

Къ ночи, ею совсѣмъ овладѣла безсонница. Въ три часа она разбудила Фанни.

Евгеніи Ивановнѣ мелькнула счастливая мысль. Она вскочила съ постели, написала записку и потомъ стала рыться въ своихъ вещахъ.

— Слушай, сказала она: — отправляйся чѣмъ свѣтъ къ ранней обѣднѣ, возьми просвиру, и просвиру съ этой запиской и съ этой коробкой снеси въ женскій монастырь, къ матушкѣ-игуменьѣ. Слышишь? Тамъ дождись отвѣта.

За тѣмъ, Евгенія Ивановна започивала спокойнѣе.

Къ ея вставанью, явилась и радость. Она проснулась, и передъ ней на столикѣ лежали, въ обмѣнъ на ея просвиру, монастырская просвира и старческій конвертъ. Въ конвертѣ сѣрая ассигнація.

— Ну, слава тебѣ Господи! сказала Евгенія Ивановна,— Фанни, бѣги скорѣе къ кондитеру, скажи, чтобъ были къ вечеру свѣжія конфеты.

И мать — Митродора была не въ убыткѣ. У нея лежала изящная парижская бумажка, гдѣ было прописано, что, помня ея молитвы и благословенія, о ней первой вспомнили по возвращеніи на православную родину, и къ ней первой, какъ къ ангелу, прибѣгли въ маленькой бѣдѣ, зная, что она не откажетъ, и увѣряя ее, что въ послѣдствіи, за это, семейство Дворцовыхъ воздастъ монастырю сторицею. Кромѣ того, у матери Митродоры лежалъ и подарокъ. Громадныя, аршина полтора длины четки, точеныя изъ какого то легкаго дерева, но за то, купленныя въ Баденъ-Баденѣ, когда думали о ней, о нашей доброй сторушкѣ, гласила записка. Мать-Митродора даже не положила четки въ кіотъ, сказавъ, что монахи должны быть тамъ «народъ чуднóй»; но деньги послала. Ей было восемьдесятъ лѣтъ, она вѣровала въ Бога и въ людей, выше другихъ

Богомъ поставленныхъ, и перемѣнять свои убѣжденія было уже немножко поздненько.

Такимъ образомъ, все было устроено къ общему удовольствію. Но послѣ завтрака, совершеннаго изъ остатковъ вчерашняго обѣда, и послѣ многихъ концовъ, совершенныхъ комеристкой до магазиновъ, Евгенія Ивановна опять призадумалась. Василій Павловичъ читалъ «Indépéndance Bèlge» уже изъ клуба; Васинька опять дѣлалъ гимнастику, Евгенія Ивановна разбиралась въ своихъ point-de-Bruxelles. Мысли, которыя роились въ ея головѣ въ продолженіи двухъ ночей, и кончались все одной, вновь изобрѣтенной присягой, опять осадили ее, и такъ сильно, что требовали высказаться словомъ. То, что умственно создалось en gros, то потребовало болѣе мелкой разработки уже для окончательнаго приложенія въ жизни.—Basile, окликнула Евгенія Ивановна мужа.

— Что тебѣ, матушка?

Василій Павловичъ обернулся сурово: онъ докуривалъ свою послѣднюю сигару.

— Знаешь, я что придумала?

Разговоръ завязался по французски. Почти къ его началу явился и Mr. Grand.

— Вотъ что. Мы не пошлемъ сегодня за обѣдомъ въ гостинницу. Пойдемте туда обѣдать всей семьей.

— Это въ трактиръ-то?

— Фи, Basile! Придумали вы все русское называть «un traktyr, un kabak»! А Ворошатинская гостинница не хуже никакой нѣмецкой. И просто будетъ, и экономно. Право, пора намъ взяться за умъ. Пора намъ жить какъ нѣмцы. N'ést ce pas, Mr. Grand? Que me direz-vous là-dessus?

— Mais pourquoi pas, Madame, отвѣчалъ тотъ: — c'est tout de mème une nation.

— Разумѣется! вскричала Евгенія Ивановна.—И пойдемъ пѣшкомъ. Помилуйте — весь городъ на полверстѣ! У президента — кажется, такъ, у президента цѣлой швейцарской республики всего двѣ горничныя, ни одного лакея, и онъ вездѣ самъ пѣшкомъ ходитъ! Mais c'est donc une honte pour nous! Развѣ у насъ не такія же ноги? а, Basile? развѣ у насъ не такія же ноги?

— Да чего жь ты спрашиваешь? сказалъ онъ: — cela est même bête, ma chère.

— Вовсе не «bête». Это такая вещь, отъ которой зависитъ все, bien-être нашего круга. Въ самомъ дѣлѣ, Mr Grand, вы взгляните: Европа поставила насъ, русскихъ, въ безвыходное положеніе. Съ насъ, русскихъ, привыкли взыскивать, чтобъ мы жили принцами! Всѣмъ мы нужны, всѣхъ мы озолоти, всѣхъ обогати. Mais mon Dieu! развѣ такъ достанетъ всѣхъ нашихъ трудовъ, нашихъ денегъ? Дайте же, наконецъ, и намъ, пожить скромно. Мы сами снимемъ съ себя эти цѣпи, и пора. И знаешь ли, Basile, какую мы этимъ услугу окажемъ всѣмъ нашимъ?

— Какую? спросилъ Василій Павловичъ. — Онъ уже соображалъ свое.

— Вотъ, хоть бы обѣдая въ гостинницѣ. Сегодня, завтра — а тамъ, всѣ наши пойдутъ. Устроится table d'hôte, дешевый, нѣмецкій. Le moins de plats possible. Я сегодня же эту мысль подамъ Ворошатину. Mais, mon Dein, когда всѣ баварскія фрейлины такъ обѣдаютъ!

— Пойдемъ, пажалуй, отвѣчалъ будто неохотно Василій Павловичъ.

Евгенія Ивановна торжествовала. Она помолчала съ минуту, потому что была какъ то и умилена и взволнована.

— Первый шагъ сдѣланъ, сказала она. — Трудно, но чтоже дѣлать? Вотъ вы, Mr. Grand, посудите. Вы видите наши затрудненія, наши страданія.

— Oh, certainement, Madame, вздохнулъ Mr Grand, вспомнивъ, что ему должны за полгода.

— Потому-то я и говорю, продолжала Евгенія Ивановна. —Я много передумала. Эти заграничныя путешествія, — положимъ, они уносятъ много нашихъ русскихъ денегъ, но за то, что же они и даютъ! Опытность—вѣдь это безцѣнно, вѣдь это капиталъ! И я довольна собой, что не пожалѣла на нее своего кошелька. Я знаю теперь, что намъ должно дѣлать. Мы должны переродиться. C'est dit, et cela sera fait. Такъ, что-ли, Basile? заключила Евгенія Ивановна, улыбаясь.

Она встала и потрепала мужа по плечу.

— Ну что-жь? давай перерождаться, сказалъ Василій Павловичъ.

— Охъ, только ты не шути. Mr. Grand, будьте свидѣтелемъ. Нынче день рѣшительный. Вотъ, поѣдемъ въ деревню, Basile, и тамъ начнется. Все съизнова. Во все, во все войдемъ

сами, и въ хозяйство и въ мелочи, на кухню, на базаръ сама буду ходить. Боже мой, да неужели же мы сами не съумѣемъ оградить нашей собственности? Васенька, mon cher, кликнула она сына:—съ нынѣшняго же дня, Mr Grand, начните, прошу васъ, учить его сельскому хозяйству. А тамъ... И чтобъ этаго полка прислуги, лакеевъ больше не было. Помилуйте! мы, русскіе, добры до непомѣрной глупости. Взгляните, какъ живетъ моя Фанни... Какъ только сравню! Почему это мы одни не умѣемъ извлечь своихъ выгодъ откуда можно и должно? Посмотрите, какъ нѣмцы всѣмъ пользуются. Mais, je trouve aprés tout, que c'est tout-à-fait digne. Они нигдѣ, никогда не потеряютъ своего. Помните, напримѣръ, Mr Grand, семью нашего доктора въ Крейцнахъ?

Mr Grand утвердительно кивнулъ головою.

— Вотъ семья — какова семья должна быть. Они пригласили сына съ невѣсткой погостить, и тѣ заплатили за все свое содержаніе. Даже за потерянныя ножницы имъ былъ представленъ счетъ къ уплатѣ. Женихъ старшей дочери заплатилъ за весь сахаръ, который пошелъ на его лишній стаканъ кофе. И экономно, и дѣльно. Можно любить другъ друга, но вмѣстѣ и не забывать своихъ интересовъ. И любить, наконецъ, свою семью, можно въ пору и акуратно. Эта молоденькая невѣста, даромъ что дочь такого извѣстнаго доктора, сама наши комнаты прибирала. А помните ихъ родную племянницу, сиротку? Еще Basile раскричался, какъ услыхалъ. А чтожь тутъ такаго? Что дядя призрѣлъ эту бѣднѣйшую pau-vresse, и ее заставилъ исполнять самыя черныя работы, которыми моя Фанни брезгаетъ? Такъ что-же?

— Чрезвычайно приличныя отношенія, замѣтилъ Василій Павловичь.

— А вотъ, безъ такихъ отношеній, мы скоро будемъ au bout de tous nos biens, вскричала Евгенія Ивановна. Удивляюсь тебѣ, Basile! Да не лучше ли, чтобъ моя племянница выносила помои, когда это и ей и мнѣ въ пользу, чѣмъ перебаловать кругомъ себя всѣхъ, какъ мы своихъ мужиковъ? Вѣдь мы совсѣмъ обворованы! Нѣтъ-съ; я этого больше не допущу. Надоѣла такая жизнь. И вотъ вы увидите, заключила Евгенія Ивановна, что я еще устрою.

— Что еще?

— Во первыхъ, никому не дамъ ни копѣйки, и сама не

займу. Потомъ — страхъ наведу. Меня будутъ бояться. Моей собственности, наконецъ, не тронутъ. Не посмѣютъ. Развѣ нѣмцы — да я сама слышала — мнѣ говорили въ Крейцнахѣ, что если на чужой огородъ кто нибудь забредетъ даже нечаянно, то по немъ можно стрѣлять. Такъ, холостымъ; un coup de fusil...

— Ну, матушка! нельзя ли безъ фузеекъ, прервалъ ее наконецъ, мужъ, и взялся за свою газету.

Новые нѣмцы, точно, въ этотъ день дошли пѣшкомъ до гостинницы и тамъ пообѣдали. Только они пошли не одни. Собираясь идти, Евгенія Ивановна сказала, что на первый разъ гораздо приличнѣе сдѣлать изъ этаго нѣчто въ родѣ шаловливой partie de plaisir съ знакомыми. И потому, она прежде зашла къ одной молоденькой дамѣ, своей пріятельницѣ и захватила ее съ ея мужемъ. Потомъ, по дорогѣ, захватили они еще встрѣтившагося джентельмена правовѣда, и веселое общество гурьбою вторгнулось въ грязноватую залу ворошатинской гостинницы.

Шампанскаго было выпито сколько слѣдуетъ. Содержателю объявили, что завтра будетъ тоже. Онъ поблагодарилъ, и казалось, былъ доволенъ. Угощеніе состоялось въ долгъ; впредь обѣщано было тоже, и если угодно, даже на домъ. Василій Павловичъ разсчиталъ вѣрно. Уступая женѣ, онъ имѣлъ свой благоразумный умыселъ. Тратясь такимъ образомъ втрое, онъ былъ, по крайней мѣрѣ, съ обѣдомъ на сегодня, а полное голоданіе или самоубійство откладывалось все впередъ; такимъ же образомъ и содержатель Ворошатинъ, какъ было извѣстно Василію Павловичу, откладывалъ свое самоубійство. Дѣла его были очень плохи; пріѣзжихъ было мало; забирали въ гостинницѣ скупо; попойки все становились рѣже. На комъ же было наверстать убытокъ? Съ отчаянія, содержатель возлагалъ надежды только на одно будущее. — «Либо самъ отъ васъ лопну, говорилъ онъ: — либо оперюсь, когда вы лопнете, а послѣднее вѣрнѣе». Такимъ образомъ, взаимно было дано дружеское позволеніе съѣсть другъ друга, кому первому посчастливится.

Евгенія Ивановна возвратилась домой веселая. За то, Василій Павловичъ сталъ опять что-то мраченъ, и къ сумеркамъ, потолковавъ въ кабинетѣ съ Терентіемъ Гавриловичемъ, принялся опять гулять вдоль оконъ и поглядывать на улицу.

Вечеромъ, ихъ навѣстила гостья. Евгенія Ивановна обрадовалась чрезвычайно, потому что эту даму она терпѣть не могла. Гостья была пожилая дама, княгиня Варвара Матвѣевна Шамшинская.

Если Дворцовы считали себя за fine fleur N—скаго общества, то княгиня считала себя уже за extra fine не только N—скаго, но и петербургскаго. Самообожаніе вообще, благодѣтельно. Въ Петербургѣ ее давно никто знать не хотѣлъ, ради ея полной безтактности, а въ провинціи, въ послѣднее время, она вошла даже въ пословицу. Дѣятельность ея въ эти полтора года, покуда Дворцовы кутили за границей, была большею частью провинціяльная. Своими плачами и воплями о раззореніи она обратила на путь истинный даже нѣкоторыхъ бѣднягъ, и точно раззореныхъ крѣпостниковъ, которымъ стало совѣстно уподобляться ей. Неутомимо и неукротимо бѣгала она сама по присутствіямъ, требуя, во имя своего права того, чего нельзя было сдѣлать ни по какимъ законамъ, ни божескимъ, ни человѣческимъ. Ей и отказали. Княгиня перенесла вопли въ петербургскіе салоны, au milieu des siens. Но и тамъ, негодуя на подобную дерзость противу рода Шамшинскихъ, эти «les sien» внутренно радовались, что хорошенько оскорбили самую Варвару Матвѣевну Шамшинскую. Вообще, если взглянуть со стороны, житье ея на Руси было плохое. Въ антрактахъ воинственныхъ трудовъ, она тоже успѣвала налетать мелькомъ на разные Шлангенбады и Францшбады. Человѣческіе интересы разнообразны. Княгиня, помня что она гражданка, не забывала также что она и женщина. Но провинція, но Петербургъ! развѣ въ нихъ возможны развлеченія? Что тайно, то у насъ сейчасъ и явно. И потому, княгиня развлекалась только въ «бадахъ». Кстати жь, за границей все такъ дешево, — конечно, гдѣ поищешь. Княгиня любила дешевизну. Теперь, она жила уже мѣсяцевъ шесть въ провинціи, затѣвая еще какое то дѣло.

— Ma bonne enfant! сказала она, остановясь въ гостиной Дворцовыхъ и простирая объятія Евгеніѣ Ивановнѣ. Пучекъ лиловыхъ перьевъ такъ и трясся на ея необъятно высокой шляпкѣ. Пора, пора, зажились. И вотъ, я первая къ вамъ. J'ai voulu vous faire ce plaisir.

Евгенія Ивановна разцѣловала ее въ крашенныя губы.

— Какъ, удовольствіе! это честь, одолженіе, сказала она,

между тѣмъ очень хорошо зная, что княгиня имѣетъ дерзость считать свой невызванный визитъ не только за честь и одолженіе, но и за высокое покровительство.

Распросы пошли сначала о за-границѣ. Въ посѣщеніи княгини, былъ впрочемъ, совсѣмъ другой умыселъ. Съ пріѣзда Дворцовыхъ прошло только два дня, а княгиня знала о нихъ уже все. Въ ихъ бѣдахъ было одно обстоятельство, которое могло угрозить одному дѣлишкѣ самой княгини. Слѣдовало оградить себя. Дворцовы, конечно, не знали, что у княгини и новые дѣлишки, и даже новыя знакомства. Въѣзжая во дворъ, лакей Шамшинской, спрыгнувъ съ козелъ сперва у флигеля, освѣдомился о здоровьѣ жены Терентія Гавриловича, Аксиньи Лукинишны. Тамъ же ему приказано узнать видѣлась ли Аксинья Лукинишна съ Евгеніей Ивановной? Отвѣчали, что нѣтъ. Княгиня осталась этимъ довольна. Дворцовы не вѣдали также, что съ самой весны, княгиня, въ припадкѣ человѣколюбія, не щадила своего ящика съ гомеопатіей для этой нервной страдалицы, и даже подарила ей весь aconitum; Дворцовы не вѣдали также, что Аксинья Лукинишна продышала три лѣтнихъ дня чистымъ воздухомъ подгороднаго имѣнія княгини, и даже Терентій Гавриловичъ продышалъ имъ одинъ день; наконецъ, Дворцовы не вѣдали главнаго: что послѣдніе францисбадскіе petits plaisirs pour rien оплатились заботами Аксиньи Лукинишны. Этотъ драгоцѣнный источникъ былъ найденъ въ отсутствіи Дворцовыхъ. Теперь, княгиня перепугалась: Евгенія Ивановна представилась ей въ видѣ камня, который ляжетъ на пути къ источнику, либо отвратитъ его воды въ другую сторону, т. е. въ свой портмонне. Между тѣмъ, источникъ былъ для княгини необходимъ: въ Петербургѣ предстояло нанимать квартиру на зиму.

Ничего не подозрѣвая между тѣмъ Евгенія Ивановна, такъ и разсказывала ей о миломъ Парижѣ. — А вы что, chère princesse? заключила она.

— Душа моя, сижу здѣсь и вожусь съ вашей canaille endimanchée et décorée. Вы представьте — я вожусь. Послѣ этаго, чтожь еще можетъ быть? Mais quelle canaille, mon Dieu, ji vous dirai, que tout ce monde d'ici. Всѣ, всѣ, на всѣхъ мѣстахъ. Этаго невозможно не поставить на видъ правительству. Aussi, j'y mettrai bon ordre. Дайте мнѣ только добраться до Петербурга.

— А вы зиму тамъ?

— Еще ничего не знаю. Можетъ быть, въ деревнѣ. Vous savez, il n'y a pas de milieu pour nous. Либо дворецъ, либо изба. Une princesse Chamchinsky est ainsi faite. Наконецъ, во что же обратится и Петербургъ, и дворъ, если мы такъ... Но еще не знаю, отпустятъ ли меня ваши. C'est toujours l'affaire de l'obrok. Ужь кажется, я законница; но съ такими людьми... La connaisez-vous, mon affaire?

И княгиня пошла о своемъ оброкѣ. Это длилось болѣе получаса. Евгеніѣ Ивановнѣ даже стало скучно.

— Ну, и кончилось дѣло? спросила она.

— Да вы видите, chère enfant, что нѣтъ. По милости его, я принуждена бывать въ такихъ домахъ, что за себя совѣстно. Когда я тамъ сажусь, я подбираю платье. Тамъ васъ сейчасъ обворуютъ. И что принуждена выносить, наконецъ ахъ, Боже мой?

Княгиня всплеснула руками.

— Какъ жаль, сказала Евгенія Ивановна, соображая между прочимъ, въ какомъ же это домѣ могли бы обворовать княгиню.

— И не далѣе, какъ сегодня утромъ, продолжала та. Я была у Ковригиной, у жены предсѣдателя. Вхожу — тамъ какія-то гостьи, и мнѣ едва кланяются. Одна даже совсѣмъ не поклонилась...

— Такъ и не поклонилась? прервала ее Евгенія Ивановна съ злорадствомъ

— Нѣтъ, повторила княгиня. — Но вѣдь это подлость выше всякой мѣры! И такихъ пускаютъ на свободѣ. Нигилистки, chére cnfant, завелись, самыя мерзскія нигилистки!

— Какія нигилистки? спросила Евгенія Ивановна. Она была не совсѣмъ au courant новыхъ русскихъ выдумокъ.

— Нигилистки, уроды, которымъ нѣтъ ничего священнаго, пояснила княгиня. Это язва нашего времени. Ихъ нужно раздавить, раздавить, или наконецъ, повѣсить.

— Кого, кого повѣсить, моя добрѣйшая Варвара Матвѣевна, сказалъ Василій Павловичъ, входя и прикладываясь къ обѣимъ ея ручкамъ.

— Eh, voici enfin cette chère bohème! вскричала княгиня, цѣлуя его въ лобъ. Она была еще вся багровая. Что до сихъ поръ глазъ не казали? Мы давно здѣсь толкуемъ. И я внѣ се-

бя. Вы въ Парижѣ себѣ веселились, а я здѣсь — mais figurez vous donc, que l'on me fait des avanies!

— Въ чемъ дѣло? спросилъ Василій Павловичъ.

Княгиня высыпала опять все сначала.

— И единственное средство—всѣхъ ихъ передушить, заключила она опять. Si l'on fait des rèvolutions, enfin, voici celle qu'il faut faire. Иначе...

— Иначе, общество падетъ, досказалъ Василій Павловичъ.

Онъ взглянулъ въ окно; прошла секунда молчанія.

— И вы знаете, что мой мужъ еще пророчитъ? сказала Евгенія Ивановна, замѣтивъ его движеніе и что-то вспомнивъ.

— Что?

— Онъ вчера вечеромъ вздумалъ пророчить. Такъ, я сидѣла, а онъ ходилъ... Basile, какъ ты это сказалъ: que ceci tuera cela.

— Comment? qui est-ce qui nous tuera? спросила княгиня не понимая.

— Видите домъ, напротивъ. Une maison magnifique... Это нашъ управляющій...

— Знаю, знаю, Терентій Гавриловъ, сказала княгиня, ужасно обрадовавшись, что его помянули. — Такъ что же?

— Такъ, вотъ Basile, сравнивая его и всѣхъ насъ...

— И что жь?

— Да вотъ убьютъ они насъ, произнесъ задумчиво Василій Павловичъ.

Княгиня захохотала.

— Allons, mon cher garçon, vous êtes fou! сказала она, махнувъ ему передъ носомъ перчаткой. Подите сюда, не шагайте, vous me donnez sur les nerfs. Такъ вотъ вы какія хандры привезли изъ Парижа. Помилуйте. Вы Россію забыли. Vous ne lisez donc rien de russe, probablement? Вѣдь пресса вступилась за насъ!

— Пускай ее себѣ; не помѣшаетъ.

— Ну, полноте. Вашъ Терентій Гавриловъ можетъ строить домовъ сколько ему угодно, но изъ этаго ничего не слѣдуетъ. А, кстати, о немъ... j'ai quelque choie á vous dsre, ma bonne enfant, сказала княгиня, круто поворачивая разговоръ и въ полголоса, покуда Василій Павловичъ выходилъ изъ комнаты. — Имѣете вы вліяніе на его жену?

— Какое? на кого? спросила Евгенія Ивановна.

— Вѣдь жена вашего управляющаго была тоже ваша крѣпостная? Аксинья эта.

— Зачѣмъ же я буду имѣть на нее вліяніе? спросила Евгенія Ивановна, рѣшительно ее не понимая.

— Я такъ и думала. Это неразчетливо, однако, ma bonne enfant. И вотъ что выходитъ. Нынѣшнимъ лѣтомъ, я не много протежировала этой мѣщанкѣ. До меня дошли слухи о ея нервной болѣзни. Я ее лечила. Какъ то разговорились. И вы представьте, какіе ужасы она осмѣлилась говорить о васъ!..

— Что такое?

— Что вы... Mais, pardon... И княгиня, нагнувшись къ ея уху, произнесла два мужскихъ имени.

Евгенія Ивановна вскочила съ мѣста.

— Ахъ, она, мерзкая! вскричала она, вся вспыхнувъ отъ самаго искренняго и законнаго негодованія.

— Понятно, продолжала невозмутимо лгать княгиня: что я ни слова не произнесла въ вашу защиту. Защита предъ такими тварями — обида.

— Ахъ, какая гадость, повторяла Евгенія Ивановна. Она была огорчена до слезъ. И за что же, наконецъ, за что же?..

Княгиня дала ей нѣсколько минутъ пробыть въ недоумѣніи. Ея дѣло было сдѣлано. Она знала свою Евгенію Ивановну; знала, что у такого врага, хотя Евгеніи Ивановнѣ и было бы чрезвычайно выгодно скрыть отъ самаго врага, что она его знаетъ, — но она уже не попроситъ у него денегъ. «Ни за что не попроситъ», умственно сказала себѣ княгиня. Теперь, ей оставалось только одно: покрѣпче убѣдиться, что ея сплетня не дойдетъ до Аксиньи Лукинишны. Впрочемъ, это было почти лишнее.

— Надѣюсь, mon enfant, все таки сказала она: — что вы не захотите унизить себя, объясняясь съ нею.

— Конечно, отвѣчала Евгенія Ивановна, подумавъ о томъ, что нельзя же бить Аксинью Лукинишну, когда нуженъ Терентій Гавриловичъ.

Она впала въ раздумье.

— Нѣтъ, это, просто, невозможно! почти вскричала она чрезъ минуту. Вы не знаете, что она мнѣ года два назадъ говорила о васъ? Эти маленькіе люди все знаютъ.

— Возможно, возразила княгиня, взглянувъ ей въ глаза,

которые свѣтились правдой. Mais, vous autres, chère amie — poure une princesse Chamchinsky...

Она встала, желая царственно вытянуться во весь ростъ и завернуться шалью.

— Видите ли, какъ я васъ люблю. Я васъ предупредила. Только вы не плачьте. Calmez-vous.

— Я и не думаю волноваться, отвѣчала Евгенія Ивановна сухо.

Она оглянула платье княгини.

— Съ дешевыхъ товаровъ, вѣроятно?

— Можетъ быть; не помню. Туалетомъ запасусь зимою въ Петербургѣ. Здѣсь можно все надѣть. Пріѣзжайте въ Петербургъ, mon enfant. Я васъ могу представить и познакомить.

— Вы? съ кѣмъ это?

Княгиня вытаращила на нее глаза.

— Allons, d'où venez vous? Она натянула перчатки. Вамъ прощается, потому что вы разстроены. Это обыкновенная награда друзьямъ. Bon soir, et que Dieu vous garde. И не раздумывайтесь много. Пріѣзжайте же меня навѣстить въ деревню.

Онѣ разцѣловались.

— Не знаю. Извините, если не такъ скоро, отвѣчала Евгенія Ивановна, вспомнивъ къ тому же, что если поѣхать къ ней съ утра, княгиня не накормитъ даже яичницей.

Въ слѣдующіе дни, Дворцовы были еще немного утѣшены въ своихъ хозяйственныхъ невзгодахъ. Василій Павловичъ поддержалъ себя легкими выигрышами въ клубѣ, хотя всякій разъ, отправляя мужа, Евгенія Ивановна и замѣчала ему, que c'est trop chanceux. Но что же было дѣлать? Выигрышъ оправдывалъ рискъ. Василій Павловичъ съ озлобленіемъ садился за карточный столъ, вспоминая trente et quarante, которые сдѣлали то, что теперь ему опасно было пуститься въ преферансъ по десяти копѣекъ. Но, по крайней мѣрѣ, въ домѣ нанятъ былъ еще лакей, получившій покуда одинъ задатокъ. Дворцовы рѣшили, что невозможно и тоска имѣть одного саксонца, который не знаетъ ни города, ни по руски. Съ Терентіемъ Гавриловичемъ, который вышелъ изъ управляющихъ, и еще ничего не сдѣлалъ обѣщаннаго по выкупному свидѣтельству, было по крайней мѣрѣ, положительно рѣшено объ арендѣ. Дворцовы

поуспокоились. Евгенія Ивановна, впрочемъ, еще сильно вздыхала.

— Голова кружится отъ заботы, сказала она: такъ, что забываю приличія. До сихъ поръ еще никому не сдѣлала визитовъ.

Евгенія Ивановна одѣлась. Туалетъ ея былъ прелестенъ. Карету запрегли. Садясь въ нее, она взглянула на кучера и сбрую. Все было какъ слѣдуетъ. Только Евгенія Ивановна вспомнила, что кучеру, шорнику,—и прочее. Карета катила по N-ской мостовой. «Вѣдь ходятъ же нѣмки пѣшкомъ?» сказала опять Евгенія Ивановна. — И съ визитами. А если ѣздятъ, то когда есть чѣмъ заплатить. Все потому, что умѣютъ извлечь свои выгоды. Вотъ, какъ нашъ докторъ... «И опять ей вспомнилась семья крейцнахскаго доктора. Вспомнилась въ параллель и одно обстоятельство изъ своей жизни. Дворцовы опекали одну родственницу, которую потомъ выдали за мужъ. — «Не съумѣли же мы...» подумала Евгенія Ивановна. Конечно, было не безъ грѣха; юную родственницу чуть не раззорили, — но куда же ушло все это?» Евгенія Ивановна призадумалась. А между тѣмъ, она и не вспомнила, что когда родственница вышла «въ свѣтъ», та же самая, «вывозившая» ее Евгенія Ивановна раззорилась на нее втрое. — «Молодая особа, которую рекомендую я...» говорила Евгенія Ивановна, и за тѣмъ, съ искреннимъ удовольствіемъ сыпала на нея деньги. Свадьба родственницы и подарки молодой стоили Дворцовымъ одного изъ ихъ имѣній.

Экономическія соображенія вылетѣли изъ головы Евгеніи Ивановны, когда она подъѣхала къ первому знакомому дому. Ихъ замѣнило другое, легкое безпокойство: сплетня княгини Шамшинской. Но это было тоже не на долго. Слова старой дамы, сильно растревожившія Евгенію Ивановну въ первую минуту, потеряли всю свою силу при первомъ рукопожатіи съ fine fleur. Кромѣ своей правоты, Евгенія Ивановна знала еще и цѣну всякой сплетни. Она знала ее потому, что сама хорошо сплетничала.

Евгенія Ивановна была добрѣйшая женщина, такъ какъ и Василій Павловичъ былъ добрѣйшій человѣкъ, хотя и имѣлъ претензію казаться иногда свирѣпымъ, что ему, однако, никакъ не удавалось. Ссорились они въ своей супружеской жизни безчисленное множество разъ, но изъ этаго ничего не слѣдовало. Разойтись мѣсяца на два, на три, и всегда изъ крошечнаго

пустяка, было для нихъ тоже, что выпить стаканъ воды, — и мировая была тѣмъ же стаканомъ воды. Также были просты и ихъ общественныя отношенія. Дворцовы имѣли благодушное свойство: забывать всѣ непріятности, которыя имъ дѣлали, и забывать всѣ непріятности, которыя сами дѣлали чужимъ. Потому, Евгенія Ивановна и сплетничала. Ей случалось, не сообразивъ или перепутавъ разсказы о какомъ нибудь чужомъ дѣлѣ, говорить такія вещи, которыя бросали въ настоящій переполохъ заинтересованное лицо.

— Евгенія Ивановна, но вѣдь это кровавая обида! встрѣтила ее однажды, не выдержавъ, одна молодая жена чиновника, про которую Евгенія Ивановна сообщила городу, что она беретъ за мужа взятки съ задняго крыльца.

— Кровавая обида? вскричала Евгенія Ивановна.

Она даже обомлѣла.

— Но развѣ вы не понимаете вещей? пояснила та.

— Une offense sanglante! повторяла Евгенія Ивановна. — Mais, mon Dieu, pour une femme... Cependant, si vous comprenez ainsi les choses... Но я клянусь...

Она залилась слезами.

— Клянусь вамъ... Еслибъ я воображала... C'est sanglant... Mais je vous jure que j'ai en horreur tous ce qui est sanglant. Милая, милая, вы меня простите, я васъ такъ люблю. Мнѣ разсказали. Еслибъ я только знала, что вы такъ примете, я бы сама ни минуты не повѣрила. Но вѣдь я уже и не вѣрю.

Евгенія Ивановна уже и точно не вѣрила.

Она каялась искренно, просила о дружбѣ искренно, выдавала головой разсказавшихъ ей, бросалась въ цвѣточный магазинъ или фруктовую лавку, и съ прелестной запиской, какъ раскаянная грѣшница, посылала персики или букетъ цвѣтовъ обиженной особѣ. Та принимала. Что же было дѣлать Н-скимъ дамамъ съ Евгеніей Ивановной? Впрочемъ, многія N-скія дамы были даже далеко и не Евгеніи Ивановны...

Вотъ почему, въ это утро, она весело дѣлала свои визиты, одинъ за другимъ. Къ концу ихъ, замѣтивъ, что есть еще часъ времени, Евгенія Ивановна сообразила, что можно сдѣлать еще одинъ. Карета покатила въ подгородное имѣніе княгини Шамшинской.

Если со стороны посмотрѣть на насъ цивилизованному человѣку, то мы покажемся людьми очень странными. Но, право, насъ можно любить. И пожалѣть, притомъ же. Ничего не можетъ быть разнообразнѣе требованій нашего духа, но — говорятъ, неакуратность, убиваетъ насъ. На все нужно планъ имѣть, говорятъ мудрецы. А вотъ его-то мы и не имѣемъ. Гдѣ же намъ его и взять? Обойдите хотя всю N-скую окружность: много-много въ ней одинъ человѣкъ составитъ такой планъ, чтобы точно годился въ прокъ. Должно быть, ужь не шутя, не годами, а цѣлыми вѣками отучены мы работать своимъ умишкомъ—но все же вѣдь ради какой то еще другой акуратности!.. Вотъ, и оскудѣлъ этотъ умишка, — да именно теперь, когда особенно понадобился. Развернется, разыграется на мигъ, да и спрячется въ крошечную, отведенную ему норку, и заснетъ тамъ, какъ сурокъ на зиму. Или примется теребить самъ себя.— «Когда же ты будешь хитеръ на выдумки?» допрашиваетъ онъ. И много разныхъ мукъ накладываетъ онъ на себя въ эти мгновенія.

Не придумавъ все таки ничего своего, умишка нашего нынѣшняго обывателя пускается уже во всѣ концы. Вотъ онъ въ погонѣ за чужими, или, какъ говорятъ у насъ, «заграничными» примѣрами. Минута опасная. Тутъ на насъ часто нападаетъ особаго рода ослѣпленіе. Мы дѣлаемъ оригинальные выборы. И благо еще, если дается какое нибудь заклятіе стрѣлять холостыми фузейками по прохожимъ; нѣтъ: бываетъ даже гораздо хуже. — «Положимъ, говоритъ нынѣшній горемыка: — всѣ мы другъ у друга изъ вѣры вышли; но вѣдь и у «нихъ» кредитъ тотъ же. Почему же они — вѣдь мы же читаемъ! — все таки успѣваютъ дѣлать выгодныя аферки, да еще какія тонкія, какія коварныя аферки!.. Нѣтъ; воля ваша—глупъ русскій человѣкъ! И какъ посмотришь...»

Обыватель посматриваетъ въ окошко.

«Вотъ, народъ шатается. Голь совсѣмъ, а могъ бы быть и не голымъ. Долби, выжимай до соку, изъ кого можно. «Они» же умѣютъ! Но хитро долби, такъ, чтобъ тотъ не пикнулъ, не вывернулся; да въ общественномъ мнѣніи еще проведи свое дѣльцо такъ, чтобъ тебя похвалили, и признали его за должный порядокъ вещей. А то что?.. Мужичишка въ кабакъ потащился...»

Точно, въ эту минуту, проходитъ ихъ порядочная гурьба подъ вывѣску.

«А за чѣмъ? Должника повелъ, долгъ пропивать. На четвертакъ пропьютъ, а на рубль квиты. Безобразіе! Нѣтъ; безъ акуратности во всемъ, безъ тонкости, погибнетъ русскій человѣкъ, если по-раньше не возьмется за умъ. Всѣ, всѣ мы погибнемъ!..»

Взволновавшись такимъ образомъ, обыватель глядитъ и размышляетъ. На улицѣ проходитъ много народа; движутся всѣ слои общества, кто пѣшкомъ, кто въ каретахъ. Поле размышленія обывателя становится все обширнѣе. Соображенія его принимаютъ историческій и политико-экономическій оттѣнокъ. Мысль его описываетъ все болѣе и болѣе размашистые круги. Въ нихъ уже захвачены многіе. Жертвы неурядицы сочтены. Обыватель отыскиваетъ, нѣтъ ли ихъ еще побольше. И вотъ мысль захватила даже мимо проходящаго попа.

«И этотъ что! восклицаетъ обыватель.— Плетется съ напутствіемъ къ царству—небесному, и за сіе сейчасъ получитъ грошъ. А того и не смекаетъ, что можно было-бы, хорошенько постращать душонку, какъ «другіе...»

И прочее. И чуть не кончаетъ обыватель молитвой: «искази всѣхъ насъ, Господи!..»

Но дурманъ не на долго. Мысль не переходитъ въ дѣло. Забываетъ русскій человѣкъ скоро, что придумалъ и дѣльнаго и бездѣльнаго. Забываетъ онъ и самъ себя. Забываетъ онъ, что не такова его натура, что не хитеръ онъ, и что во всѣхъ мерзостяхъ, которыя онъ творилъ и творитъ, въ концѣ-концовъ онъ все таки либо обрывается, либо не успѣваетъ, и сшиты его хитрости бѣлыми нитками; забываетъ даже, что не любитъ и не цѣнитъ онъ акуратно доведенной до итоговъ хитрости, и что не завидны, а противны ему такіе русскіе люди—исключенія изъ своихъ... Вообще, забываетъ онъ многое.

Но придумать, пріискать, наконецъ, все таки что нибудь надо. И вотъ, наступаетъ для бѣднаго человѣка второй періодъ мученій. Эти, впрочемъ, легче. Кто изъ насъ въ послѣднее время не испыталъ на себѣ этихъ мученій? Кто не пускался въ область чужихъ теорій и принциповъ, посмотрѣть, нѣтъ ли хоть тамъ чего нибудь годнаго для нашей практической жизни». Поле тоже обширное, поиски любопытные, работа большая, а досуга на эту работу у насъ всегда вдоволь. Вотъ, наконецъ, на

что нибудь мы натолкнулись, или намъ отрекомендовано такимъ же несчастнымъ искателемъ. Приходитъ минута отдыха; мы покойны. Но за тѣмъ начинаются послѣднія и ужъ наибольшія хлопоты. — «Какъ бы втиснуть всѣ эти теоріи и принципы въ этотъ проклятый умишка, восклицаемъ мы, ломая голову до физической боли. Но нѣтъ, нельзя; никакъ ихъ не втиснешь. Такъ нельзя ли, по-просту, хоть приклеить этотъ проклятый умишка къ этимъ теоріямъ и принципамъ?...»

На мигъ, можетъ быть, это даже и сдѣлано. Но только на краткій мигъ. Въ одно прекрасное утро, мы просыпаемся — нашихъ теорій и принциповъ нѣтъ какъ нѣтъ. Гдѣ они? Мы не знаемъ. Мы не помнимъ,—да и не ищемъ ихъ. Ихъ какъ будто не бывало...

Конечно, въ былыя времена, хотя и недавнія, но которыя, относительно, можно назвать добрымъ старымъ временемъ, всякій бы изумился, еслибъ ему сказали, что и Евгенія Ивановна Дворцова можетъ заниматься какими набудь теоріями. Всякій, быть можетъ, даже бы засмѣялся. Но нынче не то. Духъ времени иной. Никто не изумится, никто не засмѣется, такъ это въ порядкѣ нашего обихода.

И точно, Евгенію Ивановну сильно и долго занимала одна теорія. Покуда, наконецъ, тоже, въ одно прекрасное утро, а именно теперь, по возвращеніи изъ за-границы, теорія эта полетѣла за окошко...

То была теорія воспитанія. У Дворцовыхъ росъ ихъ десятилѣтній сынъ, Васенька. Они его обожали. Рожденный въ грозное время для Россіи, Вася съ своимъ дѣтскимъ лепетомъ, умѣньемъ шаркнуть ножкой, сказать «eine kleine Biene flog» и «au clair de la lune, mon ami Pierrot...», подоспѣлъ ровно къ тому времени, когда въ обществѣ все начинало разцвѣтать и оживать, и когда вдругъ сильно заговорили о дѣтскомъ воспитаніи. Вокругъ Дворцовыхъ говорили въ Петербургѣ, въ Москвѣ, даже въ провинціи, даже въ деревняхъ, гдѣ выписывались журналы,—вездѣ. Они слушали; тамъ, заговорили сами, разъ, другой, и увлеклись совсѣмъ.—«Это стыдъ! вскричала Евгенія Ивановна въ обществѣ молодыхъ матерей семействъ, предварительно проклявъ розгу, которую Васенька никогда не ви-

далъ. — Стыдъ, что мы дѣлаемъ изъ дѣтей нашихъ! Посмотрите — вѣдь это кукла!.. Такъ я клянусь...»

И съ этаго дня, начался надъ Васенькой рядъ различныхъ экспериментовъ.

Няня — швейцарка, приставленная къ нему, была удалена. Для мальчика, довольно женскаго вліянія одной матери, рѣшили Дворцовы. Всякая другая женщина его только перепортитъ. Взятъ былъ гувернеръ, нѣмецъ. Этотъ Готлибъ Христіановичъ, войдя въ домъ, захотѣлъ было съ того же дня засадить Васеньку за нѣмецкую азбуку.

— Э, нѣтъ, нѣтъ Готлибъ Христіановичъ, остановили его Дворцовы: — подождите. Во первыхъ у него еще память не укрѣпилась, а во вторыхъ, мы совсѣмъ не того желаемъ. Вы вникните въ ребенка. Къ какой наукѣ, къ какому занятію онъ склоненъ, на то и напирайте. Хватайтесь за эти первые признаки склонности какъ за путеводную нитку.

Нѣмецъ долго искалъ нитки. Маленькій Васенька любилъ малевать солдатиковъ, но также любилъ ловить и лягушекъ; онъ любилъ сказку Андерсена о «дрянномъ утёнкѣ», но ему неменьше нравилась какая то пѣсня: «ты татаринъ, ты не русскій человѣкъ», которую онъ подслушалъ у поваренка. Когда на другой день, Готлибъ Христіановичъ предлагалъ ему что либо изъ этихъ вчерашнихъ «признаковъ склонности», Вася вырывался отъ своего нѣмца, и бѣжалъ на конюшню. Наконецъ Васѣ столько же нравилась его собственная фигурка. У него были огромные черные кудри, и Вася безпрестанно бѣгалъ въ дѣтскую за гребешкомъ, либо завивалъ ихъ на своихъ крошечныхъ пальцахъ, дѣлая изъ себя отличнаго баранчика. Очевидно изъ Васи обѣщалъ выдти славный парикмахеръ.

— Mais cet allemand ne sait rien trouver! восклицала въ досадѣ Евгенія Ивановна.

— Когда же вы возьметесь за нѣмецкую азбуку? спросилъ даже Василій Павловичъ.

Нѣмца скоро отпустили.

— Страшно глупъ, сказала Евгенія Ивановна.

— Я, матушка, кажется давно говорилъ, замѣтилъ Василій Павловичъ. — И чувствителенъ какъ баба. Каждое утро плачетъ надъ портретомъ какаго-то гросфатера. Это Васенькѣ вредно.

— Кого же бы взять? спросила Евгенія Ивановна.

— Полагаю, возразилъ сердито Василій Павловичъ:—есть досугъ самимъ заняться мальчишкой. Да и вздоръ вы все дѣлаете. Я давно гляжу—только молчалъ. Мальчишка физически съ рожденія перепорченъ, а вы этаго не замѣчаете. И это называется у васъ воспитаніемъ!

Евгенія Ивановна вытаращила глаза. Вася былъ краснощекъ, какъ яблоко.

— Ну, да. Ты чего же глядишь. Перепорченъ. Подумали ли вы хоть разъ, ну, хоть единый разъ, о дѣтской гигіенѣ? А, кажется, и книги есть, и читать умѣете

— Такъ что же мнѣ дѣлать? спросила Евгенія Ивановна.

Василій Павловичъ пожалъ плечами.

— Научи, повторила она.

— Полагаю, что понятно, отвѣчалъ Василій Павловичъ, смягчаясь, потому что къ нему прибѣгнули за совѣтомъ — азбуки и все научное покуда въ печку, до извѣстнаго возраста. Я нарочно доктора спрашивалъ. Мы погубимъ Васеньку. Ему нуженъ покой и покой. Даже игрушекъ какъ можно меньше. Прошу съ нынѣшняго дня не подкладывать ему подъ руку ни карандашиковъ, и никакаго другаго вздора. И безъ прогулокъ. Одинъ покой. И чтобъ физически и нравственно развивался. Одно развитіе. А какіе у него окажутся склонности — сами подмѣтимъ.

Гигіена и развитіе пошли въ ходъ. Желудокъ и остальное тѣло Васеньки обреклись на всевозможные режимы. Нѣмецкій габерсупъ смѣнялся французскимъ petitlait и англійскимъ ротсбифомъ; одно время, Васю засадили на сырое мясо. Вася чуть не отправился на тотъ свѣтъ. Васю купали въ соляхъ и грязяхъ, покуда чуть не закупали въ одномъ шпруделѣ. Хорошо что, по русской пословицѣ, онъ былъ «живучъ, какъ котенокъ». Также быстро, какъ режимы, смѣнялись на тельцѣ Васи и костюмы всѣхъ націй, а надъ головой его всѣ небеса Европы. Дворцовы этимъ временемъ безпрестанно посѣщали Европу. Изъ шотландца, его превращали въ венгерца, изъ англійскаго матроса въ французскаго тюркоса, такъ, что Васенька чуть не забылъ, русскій ли онъ мальчишка. Ужасно онъ обрадовался, когда одной зимою, въ Парижѣ, надѣли на него, наконецъ, русскій тулупчикъ, ради моды. Дядекъ и разныхъ «bonnes», у него опять перебывалъ десятокъ. — «Чтобъ ни минуты безъ надзо-

ра», повторялъ Василій Павловичъ. Когда они отходили, Васенька объ нихъ не жалѣлъ. Въ особенности, онъ не взлюбилъ одной англичанки, которую приставили собственно для чистоплотности. Вася и самъ любилъ чистоплотность, — но передъ всякимъ умываньемъ, англичанка доходила его наставленіями. Онъ ничему не учился.

— «Вотъ ему наука! весь міръ! говорилъ Василій Павловичъ, указывая на какую нибудь place de la Bastille, или цѣпь вагоновъ у дебаркадера.—«Ученье наглядное. Развивайся сколько хочешь! . .» Иногда, впрочемъ, когда у нихъ бывалъ досугъ, Дворцовы дѣлали Васѣ и экзамены изъ развитія.

— Васенька, спрашивалъ Василій Павловичъ, гуляя, напр. около tour St. Jacques:—что такое башня»?

Васинька молчалъ.

— Ты ее видишь?

— Вижу, отвѣчалъ Васинька.

— Такъ что жъ такое башня?

— Башня—башня, отвѣчалъ Васенька, утупясь.

— Но что ты о ней думаешь? Какъ о ней судишь? настаивалъ Василій Павловичъ.

— Я ничего не думаю, возражалъ Васенька нетерпѣливо.— Ну, четвероугольна она.

— Не совсѣмъ, замѣчалъ Василій Павловичъ.

— Mais laisse — le, mon cher, внушала кротко Евгенія Ивановна.

— Вѣдь башни бываютъ и круглыя, продолжалъ не слушая ее, Василій Павловичъ. — Ты видалъ. Вѣдь видалъ.

— Mais laisse donc l'enfant tranquille, останавливала его, наконецъ, огорченная Евгенія Ивановна. — Это еще придетъ. А мы здѣсь застоялись, какъ зѣваки.

Въ другое время экзаменъ, изъ развитія принималъ болѣе нравственно-философскій оттѣнокъ. Родители съ ребенкомъ возвращались изъ цирка. — Ну что, Васюкъ, понравилось? спрашивалъ Василій Павловичъ.

— Оченъ, отвѣчалъ веселый Васенька.

— Ну, а чтожъ они тамъ дѣлали? — Василій Павловичъ немного глубокомысленно нахмурилъ лицо. Васенька уже зналъ это лицо. Веселье его сошло. Онъ вдругъ утупился. Вопросы повторились настоятельно.

— Ахъ, папа! ну, кривлялись, на головѣ ходили! вскричалъ онъ наконецъ.

— Что жъ они по-твоему: дураки или умные люди?

— Дураки! закричалъ Васенька еще громче.

— Почему же не умные?

— Потому что дураки, на головѣ ходятъ, кричалъ Васенька.

— Во первыхъ, на головѣ не ходятъ, а только становятся, объяснилъ Василій Павловичъ. — А во вторыхъ, по моему, они умны, а ты глупъ.

Васенька вспыхнулъ. Евгенія Ивановна пожала плечами.

— Чѣмъ я глупъ? чѣмъ я глупъ? повторялъ Васенька, сверкая глазенками. — Такъ я самъ, вотъ домой пойду, и на головѣ пойду. Ты зачѣмъ же меня вчера съ кровати стащилъ, когда я въ мамашины ширмы каблуками уперся?

— Потому что ты дурачился, а они занимаются искуствомъ. Искуство — ремесло не низкое; они хлѣбъ себѣ добываютъ.

Васенька не понялъ.

— Какой хлѣбъ?

— Такой. Вѣдь ты видѣлъ, сказалъ Василій Павловичъ — какъ я въ кассѣ деньги платилъ?

— За чѣмъ платилъ?

— За представленіе. Имъ же деньги раздадутъ.

— За чѣмъ деньги? дуракамъ этимъ?

— Васенька!! грозно сказалъ Василій Павловичъ.

— Ахъ дураки, дураки, подразнивалъ Васинька, смѣясь.

— Молчать! закричалъ наконецъ, Василій Павловичъ. — И чтобъ и слова этого....

— Basile, произнесла въ ужасѣ Евгенія Ивановна.

— Слышишь ли, чтобъ я этаго слова не слыхалъ, продолжалъ Василій Павловичъ. — А ты, матушка? уймешься-ли? Чтожъ, ребенку такъ съ кривыми понятіями и рости? Такъ и не задушить и не искоренить криваго?

— Я и сама знаю, что кривое, сказала Евгенія Ивановна.

— Такъ ужь не ты ли внушишь прямое? сказалъ Василій Павловичъ.—Васенька, говори за мной: фокусники умные люди..

Васенька молчалъ.

— Говори же! фокусники....

— Умные люди, началъ Васенька, у котораго уже задрожали губы.

— Потому что... Повторяй же!... умные люди, потому что добываютъ себѣ деньги, а я вчера дурачился, потому что мнѣ не нужно добывать себѣ денегъ. Ну, понялъ? Слышишь ли, и чтобъ другой разъ, ты у меня...

Подобнымъ же образомъ, за свои промахи въ развитіи, Васенька иногда лишался то pâté morny, то pâté-mac-mahon за обѣдомъ. А между тѣмъ, убѣжалъ для него одинъ годокъ, тамъ другой, тотъ годикъ, въ которой дѣти уже сдаютъ на исповѣди первые грѣхи. Васенька такъ и выросталъ изъ одеждъ своихъ.

— Какъ ты скверно пишешь и буквы и цифры, замѣтилъ однажды Василій Павловичъ, глядя въ тетрадь по которой царапалъ Васенька.

Это замѣчаніе было сдѣлано во время однихъ семейныхъ печалей. Среди этихъ печалей начались и первые труды Васеньки. Это случилось въ деревнѣ, въ началѣ осени, и Дворцовы рѣшали пробыть въ деревнѣ и зиму. Они были безъ гроша, безпрестанно ссорились; сосѣдей помѣщиковъ не было ни одного на лицо; погода стояла ужасная, скука предстояла страшнѣйшая.

—Тошный мальчишка! продолжалъ Василій Павловичъ, совсѣмъ заволновавшись. — Какіе олухи тебя учили!

Частію это относилось къ нему самому, но Василій Павловичъ намекалъ на двухъ, только что изгнанныхъ, дешевыхъ русскихъ субьектовъ.

Тетради Васи полетѣли со стола.

— Пошолъ! закричалъ Василій Павловичъ.

Это повторялось довольно часто. Дождь такъ и лилъ, часы немилосердно стучали въ пустынномъ домѣ, день такъ и шелъ за днемъ, не приводя ни солнца, ни гостя.

— Ты бы съ собаками, въ полѣ, начала Евгенія Ивановна и спохватилась. Охота была въ разстройствѣ: изъ доѣзжачихъ былъ всего одинъ на лицо, эмансипація была въ полномъ разгарѣ.

— Ты глупа, какъ пробка! закричалъ Василій Павловичъ, оставляя жену и грозно направляясь въ залу.

Тамъ Васинька, устроивъ тройку изъ стульевъ, заливался пѣсней и такъ размахивалъ кнутикомъ.

Василій Павловичъ топнулъ ногами.

— Это что? закричалъ онъ. — Долой! стулья ломать! Сейчасъ долой! Возьми готовыя игрушки, и чтобъ голосу твоего...

Васенька услыхалъ это еще не разъ.

— Напрасно мы этого мальчика не отдали въ школу въ Bebè, разсудила въ одно утро Евгенія Ивановна. Утро встало такое же хмурное, какъ и прежнія.

— А кто жъ изволилъ проливать чувствительныя слезы? подразнилъ ее Василій Павловичъ. Вотъ теперь и любуйтесь.

— Еще что изобрѣтаешь! накинулся онъ на Васю, который усыпалъ залу крошеной бумагой и тащилъ на ниткѣ собственнаго издѣлья санки. — Я тебѣ дамъ изобрѣтать!

И вотъ уже, наконецъ, озадаченный Васенька сидитъ сложа руки. Готовыя игрушки опротивѣли. Бьетъ часъ, другой. Въ домѣ тишина невыносимая. Мальчишка сидитъ и посматриваетъ. Онъ можетъ быть, думаетъ, что покуда кругомъ освобождаются изъ подъ крѣпостнаго права, самъ онъ состоитъ въ полномъ крѣпостномъ правѣ. Такъ какъ онъ уже ничего не ломаетъ и не изобрѣтаетъ, то родители покойны. Но Васеньку, наконецъ, забираетъ и дурь отъ сидѣнья. Терпѣнье его лопается. И вотъ, наконецъ, онъ вскакиваетъ, и заревѣвъ такъ, безъ толку, во все горло, принимается добивать послѣднихъ осеннихъ мухъ по окнамъ.

Но вѣдь солнце не вѣчно же сидитъ въ тучкѣ. Солнце и проглянуло. Дворцовымъ откуда-то привезли оброкъ. Васенькѣ подарили отличное англійское сѣдло,

— Mon cher, сказала Евгенія Ивановна мужу: — Мы однако, съ тобой страшно утомляемся отъ воспитанія Васи. Пора поискать ему еще гувернера.

Отыскали въ Москвѣ француза. То былъ Mr. Grand. Mr. Grand явился въ домъ въ одну благопріятнѣйшую минуту. Солнце просіяло во всемъ блескѣ; у Дворцовыхъ явилась возможность переѣхать на зиму въ Петербургъ, и уже осуществлялась въ видѣ укладки кружевъ Евгеніи Ивановны. Возможность эта вмѣстѣ направила умы родителей и на другія мысли о воспитаніи.

— Отличный будетъ гувернеръ для Васеньки, говорила повеселѣвшая Евгенія Ивановна. — Мнѣ его рекомендовали, какъ скромнѣйшаго молодаго человѣка, превосходнаго сына въ семьѣ. Et surtout, on dit, il est très religieux et très bon catholique.

*

— Дѣльно, возразилъ Василій Павловичъ, пріосаниваясь и издалека посматривая на Mr. Grand. Василій Павловичъ въ эту минуту мысленно меблировалъ прелестную квартиру въ Малой-Морской, на которую имѣлъ виды. — Только чтобъ не изволилъ пускаться мудрить надъ моимъ сыномъ. Mr. Grand, окликнулъ онъ его. — Моя система воспитанія такого рода: ничего не навязывать моему сыну. Если въ васъ есть подобныя старыя замашки, то прошу отъ нихъ отказаться сегодняшняго же дня. Вы еще не живали въ такихъ домахъ... ну, однимъ словомъ, въ такихъ чистокровныхъ домахъ какъ мой? нѣтъ? такъ я вамъ скажу: здѣсь все дѣло въ породѣ, въ крови; она сама все дѣлаетъ. Здѣсь нечего ни направлять, ни выправлять. У крови свои убѣжденія. И, Бога-ради, прошу васъ, не навязывайте ему никакихъ убѣжденій. Ничего, ничего не навязывайте, ни въ наукѣ, ни въ примѣрѣ. Все ваше предвзятое — гибель ему. Товарищество, знакомство — онъ самъ выберетъ; это священно и не прикосновенно даже для меня — для отца. Наука — чтобы тутъ не было помину о какомъ либо взглядѣ. Понимаете? чужія понятія, образъ мыслей, убѣжденія, вкусы, взгляды на вещи — все гибель. Если увидите въ немъ склонности къ чему бы то ни было, не трогайте ихъ: оставьте ихъ въ покоѣ. Быть можетъ, это окажется не склонности, а прихоть, которую онъ броситъ самъ. Онъ самъ отыщетъ и разовьетъ свои склонности. Поняли вы меня, милостивый государь?

Mr. Grand слушалъ. Ясно, это былъ планъ воспитанія еще предначертанный при Готлибѣ Христіановичѣ, но только исправленный и доведенный до самихъ широкихъ размѣровъ.

— И главное, скажу вамъ, заключилъ Василій Павловичъ — въ его играхъ и удовольствіяхъ не преслѣдуйте его, прошу васъ, никакими совѣтами и предупрежденіями. Пусть развивается его тѣло на свободѣ. Свобода — первое условіе. Безъ тѣлесной свободы мальчикъ выростетъ рабомъ своего тѣла. Если онъ будетъ слишкомъ отваженъ прошу, васъ останавливать его только уже въ самый крайній моментъ опасности. Поняли меня?

Mr. Grand объявилъ, что понялъ. За тѣмъ, Дворцовы переѣхали въ Петербургъ, а изъ Петербурга за границу, и еще разъ закутили. Это не мѣшало имъ, однако, прилѣжно слѣдить за воспитаніемъ Васи.

Mr. Grand, не смотря на то, что былъ послушнѣйшій сынъ

въ семьѣ и примѣрный католикъ, частенько посылалъ къ черту Василія Павловича и Евгенію Ивановну, когда они входили въ классъ.

— Да за чѣмъ же вы говорите ему, закричалъ на гувернера одинъ разъ Василій Павловичъ, что воспитаніе спартанцевъ было суровое? зачѣмъ?

—Потому что я считаю его суровымъ, возразилъ Mr. Grand.

— Но Васенькѣ зачѣмъ вы это навязываете?

— Развѣ я навязываю? возразилъ Mr. Grand.—Я говорю свое, а его прошу судить, какъ онъ самъ хочетъ.

— Но зачѣмъ даже поминать при немъ ваши убѣжденія. Богъ ты мой! вскричалъ Василій Павловичъ и ударилъ кулакомъ по столу.—Васенька! кликнулъ онъ сына.—Сейчасъ забудь о спартанцахъ. Думай о нихъ, что хочешь. Нѣтъ, прошу васъ, чтобъ этого больше не было, докончилъ онъ, притихая.

Подобныя педагогическія бури бывали безпрестанно. Хорошо, что Васенька, какъ и тѣломъ, такъ и головой, оказывался живучь, какъ котенокъ. Mr. Grand претерпѣвалъ великія муки. Если его одолѣвала трудность спрятать отъ Васеньки каждое свое убѣжденіе, хотя бы даже то, что таблицу умноженія надо знать наизусть, то не менѣе одолѣвала его и трудность слѣдить за Васенькой во время его отроческихъ забавъ и игрищъ.

— Только въ крайній моментъ опасности! Повторялъ Василій Павловичъ, дѣлая при томъ жестъ, будто схватываетъ человѣка, падающаго въ бездну.

Бездны въ Петербургѣ не бывали, а если были за границей, то Дворцовы съ семействомъ предпочитали объѣзжать ихъ по-дальше; но въ Петербургѣ есть и бывали славныя лѣстницы на пятый этажъ съ бронзовыми скользкими рѣшетками, на которыя, сѣвъ верхомъ и скривясь на бокъ, можно было моментально очутиться на головѣ у проходящаго внизу дворника; а за границей, извѣстно, есть и бывали точно такія же лѣстницы, и много другихъ и архитектурныхъ затѣй, и затѣй самой природы, на которыхъ можно было сколько угодно сломать себѣ шею.

Васенька и перепробовалъ это вдоволь. — «Въ какой же моментъ?» спрашивалъ себя Mr. Grand, разсчитывая, наконецъ, нѣтъ ли какого русскаго семейства, куда бы ему перейти, и гдѣ бы не нужно было думать о моментахъ.

Васенька, между тѣмъ, вскочивъ на тоненькую и очень высокую загородку у châlet-saisse, гдѣ они находились, начиналъ свою эквилибристику.

— Vassinkà! отваживался Mr. Grand.

— Mr. Grand! замѣчалъ внушительно Василій Павловичъ, сидя въ прохладной тѣни съ газетой.

Mr. Grand самъ брался за газету. Изъ за нее, безпокойнымъ окомъ слѣдилъ онъ за своимъ питомцемъ. Слѣдя, натурально не прочитывалъ онъ ни одного premier-paris своего Siècle.—Ахъ, эти русскія блажи! ворчалъ онъ.

— Но послушайте, наконецъ, Mr. Дворцовъ, вскричалъ онъ, послѣ того какъ одинъ разъ чуть не опоздалъ къ моменту, хотя все и кончилось благополучно.—Я не Блонденъ и не ньюфаундленская собака. Этого не было въ нашихъ условіяхъ....

Произошла сцена, но все жь, покуда, она кончилась мировой.

— Скучный человѣкъ, говорилъ Василій Павловичъ съ женой послѣ сцены: — нѣтъ — нѣтъ, а все-таки, хоть что-нибудь хочетъ навязать Васенькѣ. Коли не свое убѣжденьице, такъ хоть свою трусость.

И въ такомъ полномъ періодѣ своей свободы, Васенька возвратился изъ за границы на родину. Покуда, въ одно утро, и вся теорія воспитанія, какъ мы уже сказали выше, а съ ней и Васенькина свобода, мигомъ полетѣли за окошко.

Нѣсколько дней спустя послѣ своихъ визитовъ, Евгенія Ивановна встала пресердитая. Было много причинъ. Во первыхъ, всѣ N—скія дамы уже отдали ей визитъ, а губернаторша — правда съ нею были у Евгеніи Ивановны давнишнія маленькія пикировки — губернаторша проѣхала мимо, и два раза, и очевидно умышленно.—«Эта чиновница!! восклицала Евгенія Иванова, вся раскраснѣвшись отъ негодованія. Даже самъ Василій Павловичъ сочувствовалъ. Потомъ, явился еще сюрпризъ: Mr. Grand взошелъ что-то особенно сдержано и вѣжливо.

— Ne serait-il pas possible, Madame, началъ онъ.

Евгенія Ивановна хорошо знало это possible. Это значило просроченные болѣе чѣмъ полугода.

— Mais, Mr. Grand! вскричала она: — какъ вамъ не стыдно!

У нея даже опустились руки.

— En ce cas, vous me permettrez de vôus quitter, сказалъ Mr. Grand, съ видомъ прискорбія. Онъ, однако выразилъ на-

дежду, что долгъ ему заплатятъ. Русское семейство, гдѣ можно было имѣть убѣжденія и не сторожить момента, было втайнѣ обрѣтено имъ въ проѣздъ чрезъ Дрезденъ. Онъ получилъ письмо, что и оно теперь воротилось во свояси.

— Дворцовы еще никого не обманывали! закричалъ на него Василій Павловичъ, и ловкимъ жестомъ показалъ на дверь.

Mr. Grand раскланялся и вышелъ. Дѣло кончилось хорошо и ясно, — моментально, какъ любилъ выражаться Василій Павловичъ. Такимъ образомъ, Васенька едва успѣлъ въ этотъ день открыть глаза, какъ лишился своего гувернера.

Mr. Grand уложилъ свой чемоданъ, занявъ наканунѣ нѣсколько денегъ у отыскавшагося въ N. соотчича, поцѣловалъ Васеньку, и отправился въ дебаркадеръ.

— Это я не знаю что! Это мерзость, пустодомство! кричалъ Василій Павловичъ, ходя по своему дому. — Придти — уйти отъ благороднаго человѣка — все не почемъ! Вотъ люди, вотъ твари!

Первые утренніе часы такъ и приходили въ волненіяхъ. Василій Павловичъ былъ еще сердитѣе Евгеніи Ивановы. Они, однако, позавтракали.

— Что-жь, матушка, вспомнилъ Василій Павловичъ за завтракомъ, и бросая одну газету, уже русскую, которую всю измялъ, волнуясь и разрѣзая свою котлетку. — Кто-жь этого барченка поведетъ гулять? Не сидѣть же ему, по вашей милости, безъ воздуха. Вели хоть повару ливрею надѣть. Ты въ нервахъ, мнѣ некогда. Срамъ. Пусть поваръ идетъ. Умница! все ваши выдумки, все ваши затѣи! Благодарность получили-съ? И время нашла, умница, кого держать при сынѣ! Время! Католика при русскомъ мальчишкѣ! Католика!

Василій Павловичъ такъ и покатился со смѣху.

Васенька одѣвался идти гулять. Онъ еще слышалъ крики о католицизмѣ, о націонализмѣ, о еще какомъ-то «измѣ», но ничего о нихъ не думалъ. Конечно, онъ лучше бы сдѣлалъ еслибъ подумалъ что-нибудь: хоть бы, напримѣръ, сообразилъ то, что такое въ концѣ-концовъ иногда можетъ случаться съ русскими мальчишками.

Возвратясь съ прогулки, онъ нашелъ папеньку и маменьку все въ томъ же состояніи. Евгенія Ивановна, въ сердитомъ раздумьи взвѣшивала обиду губернаторши и обиду католика; къ настроенію духа Василія Павловича еще подбавилъ приходив-

шій кредиторъ-шорникъ. Однимъ словомъ, родители были ужасны. Васенька былъ очень веселъ. Онъ встрѣтилъ губернаторскаго сына Мишу, котораго прежде очень любилъ. — Славно нагулялись, мама, вскричалъ онъ, вбѣгая.

— Кого видѣлъ? спросила мать.

— Мишу Верховѣцкаго, сказалъ Вася-—Дуракъ, вздумалъ меня не узнавать. Онъ идетъ съ гувернеромъ, а я ему обрадовался, говорю, здравствуй, Мишукъ. А онъ не кланяется. Я ему говорю, что ты носъ воротишь, развѣ не узналъ? А онъ все воротится. Я его такъ, немножко, потеребилъ, а онъ и пересталъ. Послѣ мы смѣялись. Вотъ онъ мнѣ, изъ кармана выпулъ, гуттаперчевую рожу съ гримасами подарилъ.

— Это какъ же ты смѣлъ! вскричала Евгенія Ивановна вскочивъ съ дивана.

И она разразилась въ импрекаціяхъ.

— Какъ же ты, смѣлъ, когда мать твоя съ его матерью въ ссорѣ!

— А я почемъ знаю, сказалъ Васенька, и хотѣлъ повернуться изъ комнаты, но былъ удержанъ за плечо. Вошелъ Василій Павловичъ.

Отцу былъ переданъ поступокъ сына.

— Такъ ты еще унижаешься? унижаешься? вскричалъ Василій Павловичъ: — губернаторскій сынокъ тебя знать не хочетъ, а ты къ нему лѣзешь!

— Къ кому я лѣзу? сказалъ Васенька? кто меня знать не хочетъ?

— Такія въ тебѣ благородныя чувства? прекрасно, хорошо, кричалъ Василій Павловичъ.

— Я имѣю свои убѣжденія, закричалъ уже и Васенька. Я ни къ кому не лѣзу, никто мнѣ не смѣетъ носа воротить!

— Мишка твой воротитъ!

— Неправда, неправда! я убѣжденъ, что Верховѣцкій благородный человѣкъ, кричалъ Вася.

— Что?? благородный человѣкъ!

— Убѣжденъ. Вотъ знаю же, знаю.

— Такъ то ты понимаешь человѣческое достоинство? закричалъ Василій Павловичъ:—а не хочешь-ли за это розги?

— Розги? кто меня смѣетъ высѣчь?

— Кто? ты еще грубишь?

— Грублю, и хочу грубить, закричалъ Васенька и затопалъ ногами.

— Такъ розги, крикнулъ Василій Павловичъ.

Евгенія Ивановна была уже ни жива, ни мертва. Васенька обомлѣлъ. Василій Павловичъ быстро кружилъ по кабинету.

— Dois-je donc donner la verge a Vassinka? произнесла наконецъ Евгенія Ивановна послѣ секунды молчанія.

— Выпороть! закричалъ Василій Павловичъ. — Хорошую русскую баню. Я изъ тебя убѣжденія повытрясу. Время нашелъ, вольнодумствовать. Мальчишка, которому еще носъ утираютъ. Да по-круче; всѣ нынче, кромѣ насъ, за умъ взялись, что по-круче-то, по-лучше. Евтропъ!

Евтропъ былъ поваръ, только что нанятой. (Послѣ трехъ пикниковъ, table-d'hôt'ы прекратились). Онъ ждалъ приказаній въ буфетѣ.

Евтропъ явился.

— Выпороть Василія Васильевича, приказалъ Василій Павловичъ.

Дѣло было исполнено. Евтропъ сѣкъ. Василій Павловичъ посматривалъ. Васенька не пикнулъ. И такимъ образомъ, вытрясались изъ его маленькой душеньки за каждымъ ударомъ и все благочиніе нѣмецкое, и изящность французская, и джентельментность англійская, да и все хорошее русское вытрясалось. А Евтропъ сѣкъ славно. Былъ онъ свободный человѣкъ, и поролъ на радостяхъ, размышляя, между прочимъ, что вотъ теперь, по послѣднему указу, ни его самаго, ни его кумовьевъ уже не порятъ, а барченка Василія Васильевича пороть еще весьма полезно. И такимъ образомъ начался новый періодъ воспитанія въ домѣ Дворцовыхъ....

А покуда Васеньку сѣкутъ, дѣти Терентія Гавриловича уже нигилизируютъ. Его Оленька уже не признаетъ своей мамаши, а Андрюша не признаетъ уже нѣчто покрупнѣе своего папаши. Неисчислимо разнообразны требованія нашего духа, наши попытки, наши затѣи. Кто кого перегонитъ, кто въ результатѣ похвалится плодами успѣха? Кто про кого точно скажетъ «que ceci a tué cela»? будущее почиваетъ во мракѣ. Обрушится ли новый домъ Терентія Гавриловича, окрѣпнутъ ли старыя палаты Василія Павловича? Разростется ли нигилизмъ Андрюши и Оленьки и искоренитъ Васенькину розгу, или Васенькина розга,

разростясь, искоренитъ нигилизмъ Андрюши и Оленьки? Неправое погибаетъ, говоритъ мудрость; что хило, то не живуче, говоритъ здравый смыслъ. Но гдѣ они подчасъ гуляютъ, эта наша мудрость, этотъ нашъ здравый смыслъ? Вотъ, напримѣръ, сегодня, онъ въ догонкѣ за какимъ нибудь Карлушей Карла Карловича. Намъ завидно, глядя на Карлушу. А Карлушу очень больно сѣкали, даже били, только аккуратно, до извѣстнаго возраста. Перевалилъ урочный годикъ — перестали сѣчь. А ужъ если высѣкли экстренно, позднѣе, то конечно, уже не за то, что осмѣлился поклониться, а за то, что забылъ кому нибудь поклониться. Но мало ли еще за чѣмъ мы пускаемся въ догонку...

Впрочемъ, на другой день послѣ трагической сцены, умъ Василія Павловича пустился уже не въ такія крошечныя догонки, но выбѣжалъ за обширнѣйшей ловитвой. Нѣмцы, Терентій Гавриловичъ, розги, все было забыто. Василій Павловичъ наканунѣ побывалъ въ клубѣ. Онъ воротился съ легкимъ выигрышемъ; изъ деревни привезли легкій оброкъ; Фанни заняла еще гдѣ-то. Умъ хозяевъ пріободрился и просвѣтлѣлъ.

— Пускаюсь въ громаднѣйшее предпріятіе! сказалъ Василій Павловичъ входя къ женѣ. Онъ видѣлъ въ клубѣ нѣсколькихъ денежныхъ господъ и одного пріѣзжаго Француза. Толковали о какомъ то обществѣ свеклосахарныхъ заводчиковъ, которое намѣревались устроить. Василій Павловичъ восторгнулся идеей, всесторонне осмотрѣлъ всѣ его выгоды и предложилъ себя не только товарищемъ, но если угодно, то и главнымъ двигателемъ дѣла, потому что считалъ себя въ немъ знатокомъ первой руки.

— Теперь, только добыть денегъ, заключилъ онъ, весело шагая по комнатѣ.

Евгенія Ивановна глядѣла на мужа. Она еще не сообразила, можно ли восторгнуться.

— Только добыть. Что даже на первый годъ, при всѣхъ невозможныхъ шансахъ неудачи, мы получимъ семь процентовъ, это ясно какъ день. А что на слѣдующій — десять, да нѣтъ, болѣе же очевидность говоритъ за себя. И слава Богу, наконецъ, тогда и долги съ плечь долой. Такъ, что ли, Васюкъ? обратился онъ благодушно къ сыну.

Васюкъ, занимавшійся черченіемъ квадратиковъ и кружочковъ и не забывъ вчерашняго, молчалъ какъ стѣна.

— Съ долгами покончимъ, продолжалъ Василій Павловичъ.

Долги, Васюкъ, надо гасить. Это искры и уголья до пожара или послѣ пожара, и еще самые зловредные уголья. Такъ, Женни, я завтра ѣду, заключилъ онъ внезапно.

— Куда?

— Я ужъ сообразилъ. Есть кое кто. Заупрямятся, можетъ быть, да не откажутъ. Такъ... съѣзжу въ Рубежовскій уѣздъ; попробую.

Евгенія Ивановна покачала головой.

— Что? вскричалъ грозно Василій Павловичъ. Да ты необыкновенная дура! Не то я придумалъ?

— Развѣ я говорю?

— Не то я придумалъ? повторялъ Василій Павловичъ.

— То, да, не дадутъ, сказала Евгенія Ивановна.

— Что! закричалъ онъ. Кто не дастъ, это почему? Головой махать, это руки у меня отнимать? руки...

— Я...

— Руки у мужа отнимать, раскричался Василій Павловичъ. Всякую мысль, всякую дѣятельность парализировать! это честно, это весело? Головой смѣетъ махать! Тьфу ты, что за женщина!

— Ахъ, боже мой! закричала Евгенія Ивановна: — хочу махать, хочу и хочу!

— Раззорительница ты, а не жена, закричалъ уже на весь домъ Василій Павловичъ.

— Фанни, Фанни, кликнула Евгенія Ивановна и позвонила. Карету мнѣ заложить. Дай мнѣ одѣться, и Васеньку одѣньте. Basile, allez vous habiller. Я ѣду къ Прасковьѣ Александровнѣ. Ужъ я васъ тамъ не пощажу, Василій Павловичъ.

Она и уѣхала, и точно не пощадила. И даже на другой день, когда Василій Павловичъ, проведя ночь надъ свеклосахарными соображеніями, отправлялся въ путь, супруги не сказали другъ другу слова.

Въ настоящее время, такое диковинное во многихъ отношеніяхъ, и по деревенскимъ угламъ нашимъ совершились свои диковинки.

Какъ же имъ и не быть, этимъ диковинкамъ? Русскій человѣкъ на нихъ порядочный мастеръ. Подвернется удобный часъ, онъ и натворитъ надъ собой, надъ тѣмъ что кругомъ, такихъ диковинокъ, что всякому на диво. Онъ совсѣмъ не тотъ, что былъ вчера; его узнать нельзя, и кругомъ его ничего узнать

нельзя. Это онъ накуралесилъ; все преобразовано, все вывернуто вверхъ дномъ. Былъ удобный часъ. — «Злиться, такъ злиться, или: прокисать мнѣ въ моей трущобѣ, такъ прокисать» сказалъ онъ, — и вдругъ озлился или прокисъ, либо какъ нибудь сочеталъ оба эти дѣйствія во едино.

Посторонніе зрители смотрятъ. А между тѣмъ, по-совѣсти, настоящаго повода не было ни къ тому, ни къ другому. Но что же дѣлать? «бѣдствую, доведенъ до бѣдствія», говоритъ онъ. Мы должны вѣрить.

Еще не такъ давно, Сергѣй Ивановичъ и Анна Никитишна Пчеловы жили какъ господа. Любилъ Сергѣй Ивановичъ отлично поѣсть, сосѣдей позвать, справить имянины съ blanc-mangé и кулебякой; и кучеровъ и лакеевъ принарядить, паркеты въ домѣ налощить, дорожки въ саду песочкомъ посыпать, ананасикомъ изъ оранжереи похвалиться, пейзажемъ своего села съ пейзанами полюбоваться. Любила Анна Никитишна ходить въ гроденаплевой блузѣ, дочку свою Машеньку затягивать въ корсетъ и выводить къ гостямъ въ пу-де-суа съ оборочками; въ особенности любила она, чтобы Машенька сидѣла сложа ручки, или съ клочкомъ canevas-pénélope, и чтобъ гуляла она по деревнѣ съ зонтикомъ и двумя лакеями позади. Все это было не такъ давно. Но теперь, сами Пчеловы и село ихъ Пчелкино — но кто ужъ ихъ узнаетъ? какой знакомый глазъ ихъ отыщетъ?

Былъ удобный часъ, въ одинъ хорошій февральскій день — и все измѣнилось Но положимъ, по совершенной справедливости, нельзя съ нѣкоторыхъ поръ, ни ѣсть въ прежней мѣрѣ ананасовъ, ни пейзажами съ прочимъ любоваться, ни сидѣть сложа ручки. Но Пчеловы, по совѣсти, могли еще въ волю ѣсть арбузы и дыни. Могли бы. Впрочемъ, тогда на чтожъ бы израсходовалось ихъ внезапная злоба?...

И вотъ, усадьба села Пчелова стала неузнаваема. Деревню, лежавшую въ виду господскаго дома, вывернули съ корнемъ и вышвырнули куда то далеко, далеко, на безводное пространство, безпрепятственно палимое лѣтними лучами и засыпаемаго зимними сугробами. — «Чтобы и глаза мои ихъ не видали», сказалъ Сергѣй Ивановичъ. И точно, передъ нимъ, отъ пейзажа съ пейзанами только и остался что буеракъ, изрытый четвероугольными, сорными ямами. По пустырю не мелькало ни единое существо, кромѣ забѣглыхъ собакъ. — «Испортился нашъ point de vue», стала, наконецъ, говорить Анна Никитишна. — «Да-съ;

случись тутъ что нибудь, ни одного подлеца не докличешься», говорилъ Сергѣй Ивановичъ, куря трубку и поглядывая. И затѣмъ, сердился онъ еще пуще.

Точно, бывало страшно, когда налеталъ жаркій вихрь съ оглушительными ударами грома, либо осенней порой, забравшись изъ лѣса, завывали волки подъ окнами самаго дома. Вотъ-вотъ сейчасъ, громъ ударитъ въ трубу, и никто не поможетъ; вотъ, сейчасъ волкъ прокрадется въ сѣни, и ничего съ нимъ не подѣлаешь. Господскій домъ стоялъ такой же унылый, какъ и остальной point-de-vue. Половина комнатъ была на глухо заколочена и на вѣки закрыта ставнями. «Еще топить ихъ! еще народу сюда напускать! Чѣмъ я натоплю, чѣмъ я накормлю? Заколачивай!» грозно повелѣлъ Сергѣй Ивановичъ двумъ молодцамъ, и самъ всадилъ первый толстый гвоздь въ парадныя двери.

И съ этого дня, подобно кораблестроителю, положившему securityоснованіе кораблю для новыхъ, бурныхъ плаваній, и Сергѣй Ивановичъ положилъ основаніе для новаго житейскаго плаванія. Только весь его міръ ограничился одной усадьбой села Пчелкина; всѣ работы, всѣ помышленія сосредоточились на одномъ: охранить свое добро. — «Какія тутъ удовольствія, какія затѣи, гдѣ тутъ жить человѣку, какъ люди живутъ», сказалъ Сергѣй Ивановичъ. «Скоро послѣднее растащутъ. Я теперь ничто — и уже изъ ничтожества не выйду. Матушка! приказалъ онъ Аннѣ Никитишнѣ: — съ нынѣшняго дня долой ваше глупое барство»!

Аннѣ Никитишнѣ нечего было приказывать: она понимала вещи не хуже своего супруга. Машенькѣ было повелено тоже. Запала для гостей дорога въ домъ Пчеловыхъ; опустѣли лакейскія и дѣвичьи; опустѣли каретные сараи и конюшни; сломали ананасницу; поросли садовыя дорожки; цѣточныя клумбы обратились въ огородъ. Спрятаны были подъ ключь сервизы и лампы; зажглась одна свѣчка для всего семейства въ гостиной; распродались на фабрику какія были старыя и новыя книги, журналы и газеты; изчезли мѣлки и колоды картъ. И физіономія хозяевъ стала не та. Гроденапли и кринолины легли въ сундукъ; дамы облеклись въ камлотъ и холстинку.

— «Ну, Марья, счастливы твои сестры, сказалъ Сергѣй Ивановичъ дочери: — успѣли выскочить замужъ до отцовскаго раззоренія. А ужъ ты не пеняй: приданаго для васъ не имѣемъ.

— Да. Сидѣть тебѣ въ-дѣвкахъ, прибавила мать.

И такимъ образомъ, Машенька была обречена на вѣчное дѣвичество. Тяжело было ей. Очень тяжело провела она первый годокъ, съ того дня, когда отецъ ея внезапно закипѣлъ гнѣвомъ. Но время, — великій докторъ, и, къ тому же, великій учитель. Сердце Машиньки, наконецъ, зажило, а разумъ просвѣтился. Слыша съ утра до ночи, что она раззорена, она, наконецъ, увѣровала въ это раззореніе, и хорошо разсердилась сама. Къ тому же, среди пустыннаго траурнаго дома, куда не входила живая душа, можно было, наконецъ, одурѣть,

— Маменька, сказала она, входя въ одно утро къ Аннѣ Никитишнѣ: — пожалуйте мнѣ ключи отъ кладовой и позвольте повѣрить экономку: она крадетъ.

Разрѣшеніе было дано. А черезъ годъ еще, Машеньку уже трудно было узнать. Загорѣлая, забывъ о корсетѣ, прогнавъ свою горничную, потому что это лишнее, разчитавъ экономку, потому что уже сама отвѣшивала крупу и муку, она являлась отъ людской до птичника и скотнаго двора, считала, пересчитывала, опредѣляла что съѣсть, что продать, и славно умѣла подоить корову. Наконецъ, былъ прогнанъ и поваръ: Машенька стала готовить сама.

— Спасибо, Машенька, проговорила только мать: — надзирай по строже. Никому нынче довѣриться нельзя.

— Нельзя, повторила Машинька. — А я, маменька, попросила она: — съ завтрашняго дня ужь сама берусь кормить поросятъ: Богъ-знаетъ, сколько корму выходитъ.

Она набирала работы съ каждымъ днемъ. — «Воры мы, что̀-ли!» ворчали въ кухнѣ. — «Барское-ли дѣло? ворчалъ кучеръ.» — «Вотъ, прогнали, говорила бѣлошвейка: хоть по-міру иди. . .» Но какое дѣло умнымъ людямъ до глупаго слова?

А ужь съ нынѣшняго года, Машеньку стало совсѣмъ узнать нельзя. Поднимаясь съ зарей, она ѣхала въ поле, и здѣсь, плохо было залѣниться работнику, либо жницѣ. Далеко видѣлъ Машенькинъ глазъ. Или, когда свозили хлѣбъ на гумно, Машенька считала славно: конечно, не пропадалъ ни единый снопикъ.

— Вотъ такъ прикащикъ! не барышня — кремень, говорили работники.

— Молодецъ, Марья, спасибо, говорилъ отецъ, принимая штрафныя деньги за разныя потравы, которыя Машенька всегда умѣла взыскать.

Слава ея хозяйственности разнеслась по околодку.

Она дошла даже—кто бы могъ этого ожидать? до Петербурга. Въ Петербургъ доходятъ провинціяльные новости, конечно, въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ хочетъ видѣть Петербургъ. И вотъ, у Машеньки, въ одномъ изъ пятыхъ этажей семидесятой роты какого-то полка, нежданно-негадано, вдругъ явилась поклонница.

То была милая, горячая голова. Дѣвушка, когда то немного знавшая Машеньку, закинутая изъ степей въ столицу, забывшая, что̀ такое степь, какъ забываютъ это въ Петербургѣ, добрая голова, проживавшая мелкой умственной работой по двѣ копѣйки за строчку, — любящее существо, попавшее въ тотъ кружокъ гдѣ любятъ теоріи, и гдѣ, увы! считаютъ возможнымъ повернуть человѣка на дорогу къ счастью также легко, какъ повернуть его за плечи отъ Полицейскаго-моста къ кофейнѣ Вольфа. По мѣрѣ того, какъ Машенька все ниже спускалась къ землѣ, до кормленія поросятъ изъ собственныхъ рукъ, петербургская жительница все выше и выше поднималась отъ земли въ тѣ пространства, откуда уже не видно земное. Изъ этихъ-то пространствъ, въ одинъ день, слетѣло въ село Пчелкино длинное письмо.

— «Машенька, писалось тамъ: — вы давно потеряли меня «изъ виду, я васъ тоже. Но это была не потеря: въ то время, «ни вы, ни я, мы не были любимы. Теперь, другое. Отъ одного «складнаго человѣка, пріѣхавшаго сюда изъ вашего уѣзда, я «получила положительныя свѣденія о вашей новой дѣятельности. «Уважаю васъ, Машенька. Тоже заявляетъ вамъ и весь нашъ «кружокъ. Вы работаете для великихъ цѣлей, но работа ваша «скромная, и тѣмъ болѣе она прочна, тѣмъ болѣе достойна со«чувствія. Продолжайте. Ничто не можетъ быть полезнѣе въ «настоящее время, какъ фактически доказать возможность ор«ганизаціи раціонально распредѣленнаго труда, гдѣ не эксплу«атируется личность, гдѣ выгодой пользуется не одинъ, но «выгодою пользуются всѣ; указать непроизводительнымъ си«ламъ производительные пути и открыть источникъ богатства «для тѣхъ забытыхъ классовъ общества, отъ которыхъ онъ «былъ до сихъ поръ ревниво охраняемъ привилегированными «правами единицы. А главное привѣтствую васъ: вы женщина, «и показали примѣръ, какъ женщина свергаетъ съ себя иго «касты, протягивая руку «низшимъ» на торжество равенства

«выгоды въ одной изъ обширнѣйшихъ отраслей человѣческаго «благоустройства. . . .»

Машенька, не только что никогда не понимавшая организацій и раціональностей, но начинавшая забывать, какъ даже изображаются русскія письмена, получила это посланіе за дѣломъ. Она обыскивала эту дѣвченку, тайно забравшуюся съ кузовкомъ въ лѣсъ, за земляникой. Въ кузовкѣ нашлась горсть ягодъ. Но хуже всего тамъ лежали обрѣзки Машенькина ситца, подобранные въ дѣвичьей.

— Какая это безумная царапала! сказала Машенька, взглянувъ на первую строку, и разорвавъ письмо, завернула въ него свои обрѣзки...

Подобно петербургской мечтательницѣ, ѣхалъ, мечтая, и Василій Павловичъ Дворцовъ къ Сергѣю Ивановичу Пчелову. «Несомнѣнно, что дастъ, говорилъ себѣ Василій Павловичъ. Деньгу онъ сколотилъ, а человѣкъ онъ понимающій свои выгоды. Кажется нечего убѣждать его, что въ наше время, раціональное употребленіе своего капитала...

Василій Павловичъ доѣхалъ.

Красивый N-скій аристократъ явился тогда, когда въ гостиной догоралъ сальный огарокъ предъ дремлющими, облеченными въ халаты, хозяевами. Произошелъ ужасъ и переполохъ. Василія Павловича едва узнали, хотя когда-то его кормили здѣсь кулебякой. Но Василій Павловичъ не струсилъ. Онъ прямо приступилъ къ изложенію своей просьбы.

— Господи, Владыко! вскричала Анна Никитишна.

Сергѣй Ивановичъ поднялся во весь ростъ.

— Боже мой, повторила Анна Никитишна.

Василій Павловичъ все говорилъ.

— Да вы взгляните же, наконецъ, сказала Анна Никитишна.

Сергѣй Ивановичъ стоялъ и махалъ на Василія Павловича руками.

— Что же вы? сказалъ Василій Павловичъ.

— Почтеннѣйшій, почтеннѣйшій, говорилъ Сергѣй Ивоновичъ, все махая.

— Что жь, почтеннѣйшій?..

— Почтеннѣйшій, такія безумства!.. Онъ все махалъ. И у меня деньги!.. Да Господи, Господи!..

И все бокомъ, все оглядываясь, все махая, Сергѣй Ивановичъ совсѣмъ вышелъ изъ комнаты.

Есть у насъ по уѣздамъ и другіе, диковинные люди.

Къ одному изъ таковыхъ, съ негодованіемъ ввалясь въ свой экипажъ отъ крыльца Пчеловыхъ, прибылъ на зарѣ слѣдующаго дня Василій Павловичъ.

— Этакая отсталость! говорилъ Василій Павловичъ, подъѣзжая къ одной скромненькой усадьбѣ, въ глубинѣ которой, среди крестьянскихъ крышъ, виднѣлась новая желѣзная крыша. «Что-то этотъ еще скажетъ? Но здѣсь нѣтъ сомнѣнія. Онъ глупъ, и не понимаетъ своихъ выгодъ. Такъ надо это невѣжество носомъ ткнуть въ его собственныя выгоды!»

Заключая такъ, Василій Павловичъ былъ уже въ лакейской дома, и уже лежалъ въ широкихъ и крѣпкихъ объятіяхъ хозяина.

— Васюкъ, Васюкъ, охъ ты, мой европеецъ! ахъ ты, европеецъ! басили ему въ ротъ толстыя губы, учащая крупные поцѣлуи.

— Здравствуй, Петруха, говорилъ Василій Павловичъ, обнимаясь.

Петруха, или Петръ Ѳомичъ Мамадышевъ, господинъ лѣтъ сорока, огромнаго роста и дородства, былъ только что съ постели, но уже завтракалъ, когда подъѣхалъ Дворцовъ.

— Пойдемъ, покажись. Онъ потащилъ Василія Павловича. Поѣшъ. Да какъ ты это вздумалъ ко мнѣ? Что твоя Евгенія Ивановна, что мальчуганъ? Эка вы пропадали! Небось, совсѣмъ порастряслись, прокутились?

— Есть тотъ грѣшокъ.

— Ахъ ты, поджарый! А небось, заклятіе давали, не кутить. Это, какъ я: сегодня пить, завтра не пить. Ну, садись, закусывай.

Василій Павловичъ былъ голоденъ. Онъ приступилъ къ питью и ѣдѣ съ порядочной охотой.

Ѣда была жирная, питье было крѣпкое, но не затѣйливое. Василій Павловичъ взглянулъ кругомъ. Домъ былъ тоже крѣпкій, но не затѣйливый; весь недавно выбѣленный, и уже грязный отъ полу до потолка; мебели немного, новая, но тоже не-

затѣйливая и вся грязная. Мальчишка, подававшій закуску, смотрѣлъ тоже крѣпко и незатѣйливо, и казакинъ его былъ тоже весь грязный.

— Видишь, какъ поживаю, сказалъ Петръ Ѳомичъ. — Хоть скверный нынѣшній годишко вышелъ, а поживаю.

— Хорошо?

— Хорошо. Ей-Богу; что напрасно говорить. Лучше прежняго.

— Вотъ какъ! Такъ на здоровье.

Василій Павловичъ еще оживился.

— И ладишь? сказалъ онъ, махнувъ головой въ окно, на крестьянскія избы.

— Съ ними-то? Отлично.

Петръ Ѳомичъ принялся опять ѣсть, какъ неѣвшій три дня. Лицо у него было веселое, и было видно, что оно давно не выражало огорченій. Василій Павловичъ глядѣлъ на него, слегка удивленный.

— Для меня, однако, немного странно, что ты ладишь, сказалъ онъ, наконецъ.

— А лажу, отвѣчалъ Петръ Ѳомичъ, взявъ у него сигару. Работаютъ — вотъ какъ. И ниже когда четверть часа украдутъ. И очень многи довольны. Ни одного непріятнаго дѣла у меня съ ними не было, ни до мироваго, ни до присутствія. Дворовые коли помнишь, Тарасъ, Пахомъ съ бабами, всѣ здѣсь, при мнѣ, на лицо. Какъ по маслу. Я ужь и самъ этаго не понимаю.

— Да, сказалъ значительно Василій Павловичъ.

— Да, повторилъ Мамадышевъ.—Ты вѣдь знаешь, каковъ я былъ. Ну, бывало, бью, сѣку, страшно бью и сѣку, и унять-ся не могу, ну, нѣтъ мнѣ уёму. Самъ знаю что больно бью, а не могу. Я одинъ разъ у Тройцы молился, чтобъ мнѣ не сѣчь. И не могу. Ну звѣрь, первый въ уѣздѣ, всякій зналъ, звѣрь на всѣхъ. А вотъ какъ насъ развели — ну, такъ хорошо стало, что насъ растащили, ей-богу! Другое совсѣмъ. Да и не хочу драться теперь — вотъ тебѣ Богъ. Да что? Вонъ, видишь — (онъ указалъ на избы)—на носу сидятъ, землю имъ подъ самое свое гумно отвелъ, только не уходи далеко, сиди на старомъ мѣстѣ, чтобъ мнѣ тебя видѣть. А они, ужь конечно, рады: въ ноги мнѣ. А дворовые — да нука, попробуй сманить. У меня

Фильку сосѣдъ Сергѣй — Ивановъ — Дураковъ пробовалъ, да не сманишь, каналью.

— Значитъ, ты даже наживаешься, спросилъ Василій Павловичъ.

— Наживаюсь-таки, отвѣчалъ Мамадышевъ, и запивъ, безцеремонно растянулся на взничь во всю длину кожанаго дивана.

— Жениться, что-ли, собираешься?

Мамадышевъ захохоталъ.

— Куда же мнѣ еще жениться, сказалъ онъ. Нѣтъ, такъ, на старость коплю. Хрящи частенько болятъ, — ну, и лѣнь, лѣнь такая подчасъ, — я тебѣ скажу! Вотъ какая лѣнь. (Онъ закрывалъ глаза) — Лежу я вотъ такъ, иногда, и думаю. Господи! что это человѣкъ весь свой вѣкъ работаетъ? До какого же вѣка ему все землю ковырять, до хрящей трудиться, либо надъ своимъ добромъ трястись, Господи! Да уроди же ты, наконецъ, мать-природа, сама-то, безъ нашего ковыранья хоть самъ — восемьдесятъ, дай намъ что нибудь готовенькое, придумай сама что нибудь, дай ты полежать въ волю...

— Ну, а покуда она придумаетъ, сказалъ Василій Павловичъ, круто прерываю потокъ его философіи: — я кое-что за нее придумалъ. Вѣдь я къ тебѣ не за вздоромъ.

И рѣчь Василія Павловича сама полилась какъ потокъ. Сельскохозяйственныя фразы такъ и закруглялись; проценты такъ и высчитывались; убѣдительные доводы, клонившіеся къ займу, такъ и нанизывались. Лицо Василія Павловича сіяло. Мамадышевъ все лежалъ, но слушалъ онъ внимательно, только ухмылясь. Онъ глядѣлъ на своего гостя во всѣ глаза. Видно было, что несмотря на закуску, Мамадышевъ былъ въ полной памяти.

— Ну, такъ что жъ? сказалъ онъ въ заключеніе.

— Ну, и давай, сказалъ Василій Павловичъ.

— Єъ ума ты спятилъ, чтобъ я далъ тебѣ денегъ? возразилъ спокойно Мамадышевъ.

— Какъ, вскричалъ Василій Павловичъ. — Я думаю...

Онъ разразился въ увѣреніяхъ.

— Я честный человѣкъ, и даю подъ залогъ...

— Слышу.

— Даю Барашевку...

*

— Все слышу, сказалъ спокойно Мамадышевъ, и все лежа.—Ты не кричи.

Василій Павловичъ усѣлся.

— Во первыхъ, — вотъ тебѣ Богъ — (Мамадышевъ указалъ на образъ) у меня нѣтъ гроша. Еще ничего не накопилъ; это еще, покуда, въ мірѣ фантазій. Во-вторыхъ, еслибъ и были, то не далъ бы, потому что дѣло дрянь.

— Какъ дрянь?

— Въ-третьихъ, продолжалъ, не слушая его, Мамадышевъ:—еслибъ оно было и не дрянь, и еслибъ даже были деньги, то я не далъ бы тебѣ. Именно тебѣ. И подлецъ будетъ тотъ, кто тебѣ ихъ дастъ.

— Ну, да, да, спокойно повторилъ онъ, покуда Василій Павловичъ онѣмѣлъ.—Видишь Петьку?

Въ залу вбѣжалъ пятилѣтній мальчишка.

— Дамъ я ему мои револьверы, какъ ты думаешь? Револьверовъ-то онъ не сломаетъ, да самъ ухлопается. Такъ и ты. Ну, куда тебѣ возиться съ сахарными—морожеными? Тебя жалѣя, говорю. Вѣдь ты аристократъ Василій Павловичъ, Европеецъ поджарый. И чортъ бы съ ними, съ моими деньгами, когда бы ты ихъ однихъ ухлопалъ. Но дѣло-то существенное въ томъ, пойми, что ты на нихъ не остановишся, а разохотишься раззоряться въ десятеро. Такъ тебѣ эту приманку и дать? Ахъ ты, Васюкъ, Васюкъ! не сущую правду я говорю? Вѣдь я тебя—вотъ тебѣ богъ—люблю!

И Мамадышевъ, все лежа, раскрылъ Василію Павловичу свои объятія.

— Не отвѣчаю только потому, что ты пьянъ и глупъ, сказалъ Василій Павловичъ, взявъ фуражку.—А то бы, за эту философію...

Онъ пошелъ къ двери.

— Люблю философію, сказалъ Мамадышевъ.

— Заѣдешь къ дуракамъ, ворчалъ Василій Павловичъ.

— Не обижаюсь, добродушнѣйшимъ образомъ сказалъ Мамадышевъ.—Да ты куда жъ? лошади отпряжены.

Василій Павловичъ, скрѣпя сердце, остановился.

— Посиди еще, утѣшь, сказалъ Мамадышевъ, грузно поднимаясь съ дивана.—Вѣдь я тебя люблю, Васюкъ. Добрый ты другъ и человѣкъ. И вотъ тебѣ, по чистой совѣсти — точно нѣтъ гроша. Еслибъ былъ, далъ бы, только подъ честнымъ сло-

вомъ—чтобъ ты мнѣ изъ нихъ сейчасъ сварилъ жженку. А на свеклу — ни! У тебя свой Васюкъ ростетъ, черномазый. Ему, пожалуй, такъ и батовыя погрызть не останется.

У Мамадышева даже навернулись слезы.

— Ну, сказалъ онъ, протягивая опять свои объятія.

— Ну, отвѣчалъ Василій Павловичъ, и уже не совсѣмъ неохотно протянулъ ему руку. Его все-таки облобызали.

— А нищенская здѣсь, однако, сторонка, не ожидалъ, сказалъ Василій Павловичъ.

— Рѣка временъ ... отозвался Мамадышевъ, уже изъ глубины дивана, на который возлегъ вторично.—Времена. Реформы. Ты, Васюкъ, затѣи оставь. А вотъ лучше, въ февралѣ, у васъ тамъ съѣдутся; баллатируйся-ка ты, знаешь, въ наши...

Мамадышевъ высоко показалъ рукой.

—Еще что! сказалъ Василій Павловичъ нерѣшительно, но уже съ любезной улыбкой. Ему что-то польстило.

— Правду говорю. Вѣдь ты баринъ, а не свекловица. А Евгенія Ивановна? Я думаю, съ Евгеніей-императрицей на «chère amie». Такъ кому жь?

— А ты, въ N въ февралѣ, на съѣзды пріѣдешь? спросилъ Василій Павловичъ.

— Нѣтъ. Скандальчиковъ не будетъ?

— Зачѣмъ скандальчиковъ?

— Ѣхать, такъ орать, сказалъ Мамадышевъ. — А то, говорятъ, орать будетъ не о чемъ.

Лошади Василія Павловича были готовы.

Достоенъ или недостоенъ былъ человѣкъ, за ссуду денегъ Василію Павловичу того благозвучнаго названія, которое давалъ ему Мамадышевъ, только такой человѣкъ нашелся. Василій Павловичъ, наконецъ, торжествовалъ. Онъ назвалъ этого человѣка благороднѣйшимъ изъ смертныхъ. Точки зрѣнія, конечно, могутъ быть разныя; съ какой взглянешь на предметъ. Съ своей точки зрѣнія, смертный разсудилъ, что поступаетъ прекрасно. Былъ онъ очень прочно, завидно богатъ. Даже крупная ссуда не могла поколебать на время его хозяйство. Онъ могъ ждать. Только, конечно, онъ не ждалъ, чтобъ Василій Павловичъ возвратилъ ему деньги. Напротивъ онъ даже и давалъ ихъ потому, что они не должны были никогда возвратиться.

— За мной останется твоя Баклашевка, размышлялъ онъ, пожимая на прощанье руку милому Василію Павловичу. — А она въ десять разъ дороже моихъ цѣлковыхъ.

Баклашевка, въ тотъ же день семейно была опредѣлена благороднымъ смертнымъ своему сыну, готовившемуся къ выпуску въ кавалергарды.

Значитъ, все было устроено къ общему удовольствію.

Василій Павловичъ ѣхалъ домой. — Ну-ка, помахай теперь головой, поддразнивалъ онъ издалека, изъ за сто верстъ, свою Евгенію Ивановну.

Впрочемъ, ее нечего было поддразнивать. Добрая жена встрѣтила мужа радостными объятіями. Много въ эти дни совершилось радостнаго.

— Basile, Basile, мои вещи прибыли изъ Берлина, вскричала она:—и Терентій Гавриловичъ сего дня деньги привезъ по твоему выкупному свидѣтельству. Виватъ!

— Виватъ! повторилъ Василій Павловичъ.—И свекловица выросла. Ну, теперь только отдохнуть.

Въ блаженнѣйшемъ состояніи протянулся онъ на своей постели. Былъ позванъ Васенька. Семейная картинка вышла прехорошенькая. Мальчишку тормошили, ласкали, родители цѣловались. Василій Павловичъ, наконецъ, уснулъ.

Ограждая его сонъ, на цыпочкахъ, вышла Евгенія Ивановна. Въ домѣ стало тихо, но чрезвычайно весело тихо. Евгенія Ивановна осталась одна, отославъ Васю. Она сѣла въ гостиной и задумалась. Думала, и осматривалась кругомъ. Думала долго, но весело.

Весело, когда нѣтъ въ головѣ не завтрашняго «sucre», ни вчерашнихъ теорій, ни отжившихъ матерей-игуменій, ни будущихъ «ceci tuera cela», а пуще всего весело, что нѣтъ тамъ болѣе нѣмцевъ... охъ, этихъ нѣмцевъ, которые такъ акуратно ходятъ пѣшечкомъ по житейскому бережку!...

Хорошо дремалось и Василію Павловичу. Рѣдкія, краткія, дорогія мгновенія въ настоящихъ нашихъ печаляхъ!... Отплывали на дальній планъ и аренды съ Терентіями Гавриловичами, какъ уже негодные и мелкіе и всякіе должишки, презрѣнный мусоръ, преграждающій пути всякому высокорожденному человѣку; подплывали все ближе и ближе, на первый планъ, и все яснѣе, громадныя постройки, настоящія европейскія, плодъ промышленнаго вѣка, источникъ неисчерпаемаго богатства...

Но вдругъ — вдругъ на первомъ планѣ очутилось нѣчто новое.

Василій Павловичъ поднялся. Онъ позвонилъ камердинера и одѣлся. Изящно, истиннымъ джентельменомъ, вошелъ онъ въ гостиную. Евгенія Ивановна сидѣла тамъ, въ глубинѣ диванчика.

— Bonjour encore une fois, madame, сказалъ Василій Павловичъ, поцѣловавъ у нея ручку.

Лице у него было веселое, и вмѣстѣ серьозное. Лице Евгеніи Ивановны было такое же. Оба съ секунду помолчали.

— Знаешь, Basile, что я думала? сказала она.

— Да. Я тоже думалъ, — вотъ, даже всталъ, сказалъ онъ.

Оба взглянули кругомъ, потомъ другъ на друга.

— Ужъ не одно-ли тоже? сказала Евгенія Ивановна.

— А ты что думала?

— Нѣтъ, ты скажи.

— Я думалъ, что необходимо, безъ отлагательства, сдѣлать вечеръ.

— Господи, слово-въ-слово! вскричала Евгенія Ивановна.

Она еще ахала нѣсколько мгновеній.

— Просто, безъ этого нельзя, сказалъ Василій Павловичъ. Сто лѣтъ здѣсь не были, сто лѣтъ со всѣми знакомы, — весь городъ у насъ перебывалъ, весь городъ скучаетъ, мы здѣсь одни... Ну, да не глядя ни на какія обстоятельства... Я думалъ, думалъ,—и просто, безъ этого невозможно.

— Невозможно! повторила Евгенія Ивановна, и поспѣшно взявъ карандашъ, супруги приступили къ обдумыванію бальныхъ движеній.

Балъ и состоялся. Онъ вышелъ прелестный. Пріемныя комнаты обновились и еще украсились. Евгенія Ивановна нашла, что въ прежнемъ видѣ они не совсѣмъ ловко напоминали игорныя висбаденскія комнаты. Дворцовы были мастера устроивать праздники. Изъ городскихъ были всѣ, кто могъ. Общія предварительныя печали отъ безденежья при покупкѣ новыхъ туалетовъ, общія мученья,—все исчезло въ сіяньи огней дворцовскаго дома. Для радости хозяевъ ничего не доставало. Все дорогое ихъ сердцу было на лицо. Въ гостиной, первымъ гостемъ поигрывалъ въ карты благороднѣйшій изъ смертныхъ, а за кулисами гостиной было множество такихъ благородныхъ и неблагородныхъ смертныхъ. Тамъ помогалъ прислугѣ и содержатель гостинницы, Ворошатинъ; тамъ суетился и Терентій Га-

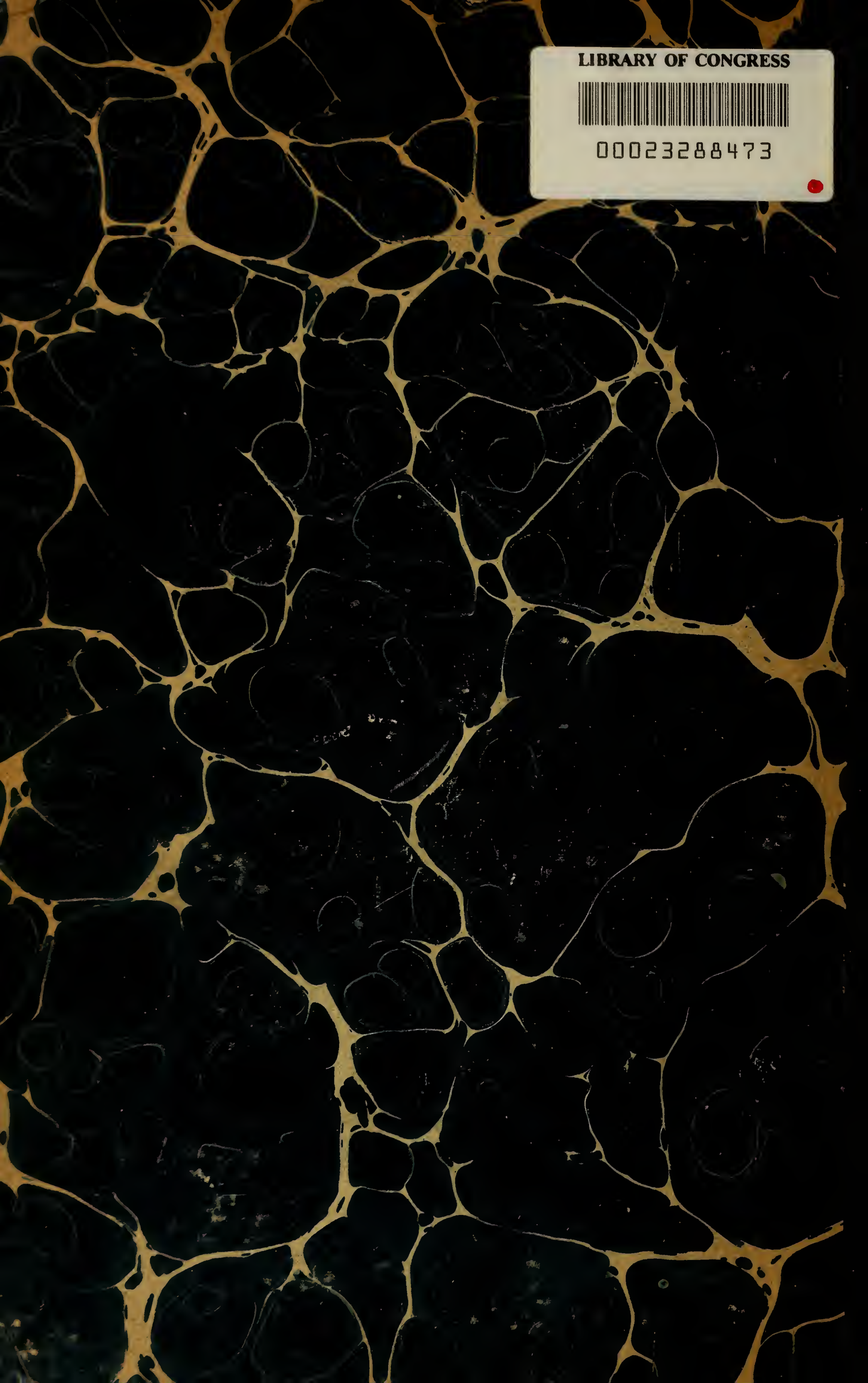
врпловичъ, и любопытствовали второстепенныя лица, разные мебельщики, обойщики — великое множество дорогихъ людей. Свекловичное предпріятіе было извѣстно всѣмъ. Въ виду геніяльнаго вымысла Василія Павловича всякій обдумывалъ или уже принималъ свои мѣры. Терентій Гавриловичъ уже не разъ побывалъ у благороднаго смертнаго; побывали у него и другіе... Между тѣмъ, музыка гремѣла. Веселые гости шли гурьбою къ ужину. Ласковые хозяева гостепріимно ожидали ихъ на порогѣ своей столовой. Они не подозрѣвали, что сами они уже давно скушаны...

И скажемъ: миръ праху ихъ. Если только точно въ нихъ была жизнь, и было въ нихъ чему умирать, и потомъ обновиться въ оной формѣ жизни. Лёгкія пушинки, поднимаемыя легчайшимъ дуновеніемъ вѣтра—какая для нихъ жизнь и смерть, какое для нихъ обновленіе?.. Но страшно, страшно такое время, когда съ жалостью провожаешь въ пространство даже такія пушинки, потому что еще не самыя зловредныя, еще не до конца загрязнены эти пушинки! Потому что, чуть чуть, но еще бѣлѣютъ они среди чернаго сора, котораго много и все больше съ каждымъ днемъ мчится тоже по волѣ вѣтра, и тоже не вѣдая ни жизни, ни смерти, ни обновленія! сора, который летитъ и ложится на все кругомъ, проникая во все, что хранится бережно, разъѣдая все, что свѣжо и молодо...

А Вася? Что же будетъ съ Васенькой? Дѣтскіе годики всѣ впереди, говорятъ добрыя няньки. Но няньки нынче стали врать; такихъ годиковъ нынче нѣтъ. Васенька долженъ подоспѣть скоро. Что онъ будетъ безъ гроша, это ясно. Но дальше что? Какіе наставники потрудятся еще надъ его головой? Какимъ наставникомъ и воспитателемъ явится онъ самъ тогда, когда умчится, наконецъ, все нынѣ живущее и неживущее, и хорошее и дурное, и злое и доброе, и богатое и бѣдное, и нашъ соръ, и наши пушинки, — когда Васенькино поколѣніе смѣнитъ нынѣшнее поколѣніе? Кто скажетъ это? кто скажетъ, чѣмъ будетъ, въ замѣнъ нынѣшнихъ Василій Павловичей, наши будущіе Василіи Васильевичи?...

Декабря, 1864 г. **Ив. Весеньевъ.**

С. Хвощинская

LIBRARY OF CONGRESS
00023288473